

180 секунд

ДЖЕССИКА
ПАРК

18+

Джессика Парк

180 секунд

Серия «Young Adult. Бестселлеры»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43015320
180 секунд: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-093175-0*

Аннотация

Сколько нужно секунд, чтобы перевернуть твою вселенную? Невозможно трогательный роман для тех, кто верит в любовь и романтику, от автора бестселлеров New York Times! Эта книга разобьет вам сердце, а затем поможет исцелить его вновь!

Элисон – ученица колледжа и сирота, которую недавно удочерили. Она умеет быть невидимкой, не сближаться с людьми и не заводить друзей.

Эсбен – знаменитый блогер и звезда интернета. Используя свою популярность, он помогает людям и приходит на выручку в, казалось бы, безвыходных ситуациях.

Когда волею случая они встречаются на социальном эксперименте, призванном доказать, что если смотреть в глаза незнакомцу на протяжении лишь 180 секунд, то это может многое изменить в жизни, их миры сталкиваются самым непредсказуемым образом.

Сможет ли теперь Элисон открыться и пустить за
воздвигнутые ею стены нового человека, а вместе с ним и любовь?

180 секунд достаточно, чтобы чужой человек стал самым
родным. 180 секунд достаточно, чтобы навсегда изменить мир.
180 секунд достаточно, чтобы исцелить разбитое сердце.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	44
Глава 5	56
Глава 6	66
Глава 7	77
Глава 8	84
Глава 9	96
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Джессика Парк

180 секунд

Jessica Park
180 SECONDS

Text copyright © 2017 Jessica Park All rights reserved.

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency.

© Сергеева В., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

Маленькая птичка

Я перешла на третий курс, а значит, до полной свободы осталось два года. Каждый день служит новым напоминанием о том, как сильно я отличаюсь от своих ровесников. Я постоянно ощущаю собственную неспособность быть общительной, веселой, эмоционально раскованной. Это нелегкое испытание – заточить себя здесь, – но я стараюсь по мере сил.

Саймон двадцать минут кружит по кампусу Эндрюс-колледж, прежде чем находит место для парковки. В первый день всегда жуткий хаос. Студенты вылезают из машин с полными руками сумок и коробок, машины стоят в два ряда по всей улице, родители, со слезами на глазах, бродят повсюду и теснятся на тротуарах. Поездка из Бостона на север штата Мэн заняла почти пять часов, и этот сентябрьский день больше похож на июньский. Добро пожаловать в Новую Англию. Кондиционер у нас слабый; я вспотела и теперь, выйдя из машины и наслаждаясь легким ветерком, пытаюсь незаметно высушить футболку.

– Извини, – виноватым тоном говорит Саймон. – Машина старенькая, но еще ничего.

Он стоит снаружи, напротив водительского места, смот-

рит поверх машины на меня и слегка улыбается, похлопывая по капоту. Вид у него удивительно свежий, невзирая на жару.

– Признаю, она не в лучшей форме для появления на публике. Но давай считать это чем-то вроде сеанса в сауне. Наверняка любая «Вольво» одобрила бы.

Я улыбаюсь и киваю:

– Конечно. Предпоследний курс должен начаться с ритуала очищения.

– То есть ты согласна? Прежде чем ты примешься проделывать тут всё, что положено в колледже, и загрязнишь свой организм. Ну, вечеринки, обеды в столовой... – Он машет рукой.

Я знаю: Саймон надеется, что я тоже пошучу.

Он старается изо всех сил, но обычно у меня не получается подыграть. Я знаю это, но ничего не могу поделать. Саймон не виноват – виновата я. Он очень хороший человек. Возможно, даже слишком хороший. Слишком понимающий, слишком щедрый.

«Саймон еще и мой отец», – мысленно напоминаю я себе.

Удивительно, как часто мне приходится вспоминать об этом. А ведь я же видела документы об удочерении. Господи помилуй, да я была там, когда они подписали бумаги и я официально – наконец-то – вышла из-под государственной опеки в зрелом возрасте шестнадцати с половиной лет.

Я замечаю свое отражение в окне машины. Длинные темные волосы собраны в хвост, который висит на спине свин-

цовой гирей, густая, мокрая от пота челка облепила лоб, щеки покраснелись.

Впрочем, это не от жары. Просто я волнуюсь. Мне надо попить.

Придется не только познакомиться с новой соседкой по комнате, но и расстаться с Саймоном. Я страшно не хочу устраивать неловкую церемонию прощания, но тем не менее решаю подбодриться и сделать всё, что в моих силах. Из меня получилась не очень хорошая дочь, однако я должна хотя бы попытаться. Саймон мне дорог, а я до сих пор не знаю, как сказать ему об этом.

Я вымученно улыбаюсь и обхожу машину.

– Думаешь, справимся за один раз? Если да, угощу тебя обедом.

– В вашей гнусной студенческой столовой? Не очень соблазнительно звучит, – отвечает Саймон, вытаскивая из багажника коробку.

Он улыбается, хоть и пытается это скрыть.

– Я буду переносить твои туфли по одной, лишь бы спастись от обеда в столовой.

– Вообще-то я имела в виду греческое кафе вон там, – заявляю я.

Чемодан, который я достаю из машины, совсем не тяжел. Я минималист и путешествую налегке.

Саймон выпрямляется, наклоняет голову набок и поднимает бровь, не в силах больше скрывать радость.

– Греческое кафе? Гирос? Хумус?

Я киваю:

– И баба гануш.

Саймон упирает коробку в бедро, чтобы освободить руку, и повышает голос.

– Хватай что можно и беги! Бери только самое необходимое! Лети быстрее ветра!

Он вытаскивает из машины небольшую сумку и устремляется к тротуару, выкрикивая через плечо:

– Скорее, Элисон! Нельзя тратить ни минуты!

Я смеюсь, забираю оставшиеся вещи из багажника и захлопываю крышку. Саймон шутит, потому что на самом деле багажа больше нет. Мой приемный отец старается находить светлую сторону в том, что я неспособна всерьез к чему-то привязаться – и что взяла с собой ничтожную долю тех вещей, которыми другие студенты доверху набьют свои маленькие комнатки. Я вспоминаю, какой он добрый и понимающий, когда речь заходит о моих недостатках. В то время как большинство студентов тратят несколько часов на разгрузку машины и на то, чтобы забрать свои вещи из комнаты хранения, мы справились за пять секунд.

Мне не сразу удастся догнать Саймона – он убежал так далеко вперед, что я успеваю расстроиться от невозможности с ним поравняться. Мой чемодан хлопает по ступенькам и волочится по лужайке, когда я срезаю путь между университетскими постройками, чтобы добраться до корпуса, в ко-

тором буду жить.

Запыхавшись, я дохожу до Кирк-Холла. Саймон сидит на коробке, такой небрежный и спокойный.

– Саймон, но как? – с трудом переводя дух, спрашиваю я. – Откуда... откуда ты знаешь, куда идти?

– На прошлой неделе я изучил карту кампуса. И вчера тоже на нее глянул. И сегодня утром, перед тем как ехать.

Саймон умудряется выглядеть всё так же небрежно и изящно, как обычно, и на его красной льняной рубашке нет ни единого пятнышка пота. Волосы, которые всегда стильно зачесаны назад со лба, ничуть не растрепались. Его безыскусное умение сохранять спокойствие, даже когда этого не требуется, достойно восхищения.

Большие солнечные очки поворачиваются ко мне.

– Я был здесь всего несколько раз. Но не могу же я вести себя как заурядный неуклюжий родитель, который слепо идет за своим отпрыском. Я должен хотя бы выглядеть так, как будто знаю, что делаю.

Мне становится стыдно, что я редко приглашала его в гости за последние два года. Может быть, в этом году будет по-другому. Может быть, мы станем чуть ближе. Хорошо бы.

Сердце перестает бешено колотиться, но я обливаюсь потом.

– Значит, ты думал, что тебе придется, как сумасшедшему, нестись по кампусу?

Саймон ухмыляется:

– Да! Ну что, давай посмотрим твою комнату.

Прошлой весной я очень надеялась вытянуть удачный номер и получить одноместную комнату, о которой так мечтала, но – что неудивительно – мой номер оказался на самом дне. Я прождала несколько часов в очереди, чтобы выбрать себе комнату на скверно нарисованной схеме – и в результате обнаружила, что все одноместки уже заняты. Неужели жилье в общежитии нельзя распределить онлайн! Я последними словами ругала допотопную систему, пока изучала оставшиеся варианты. Дежурный несколько раз спрашивал, есть ли у меня подруга, с которой я могла бы поселиться, и я сначала пыталась от него отмахнуться, а потом буквально рявкнула:

– Нет! Понятно?! Нет, мне не с кем поселиться! Вот почему мне нужна одноместка!

Кто-нибудь сказал бы, что незачем было устраивать сцену, но я слишком перевозвоновалась, чтобы об этом думать. Наконец я выбрала место в номере на двоих. По крайней мере, мне полагалась отдельная спальня. Входить и выходить предстояло через маленькую общую гостиную, но я подумала, что, наверно, без особых усилий смогу уединиться. В минуты просветления я даже смела надеяться, что мы с моей загадочной соседкой поладим.

Чудеса иногда случаются. И все-таки сегодня я боюсь встречи с ней.

Чтобы расписаться внизу и взять ключ, уходит лишь две

минуты. И вот я с осязаемым трепетом вхожу в свое обиталище на первом этаже.

Саймон смеется, услышав мой громкий вздох.

– Радуетесь, что никого пока нет?

Я вкатываю чемодан в одну из пустых спален и плюхаюсь на твердую, как камень, чудовищную оранжевую кушетку в гостиной. Саймон приносит из моей комнаты крутящийся стул, ставит его передо мной и садится.

– Почему ты так волнуешься?

Сложив руки на груди, я оглядываю бетонные стены.

– Я не волнуюсь. Она, наверное, хороший человек. Мы обязательно станем лучшими подругами, и она будет заплетать мне волосы, и мы, почти голые, будем драться подушками, а потом у нас начнется серьезный лесбийский роман...

Прищурившись, я смотрю на паутину в углу и подозреваю, что из яиц вот-вот вылупятся паучата и заполонят всю комнату.

– Элисон? – Саймон ждет, когда я повернусь к нему. – Это исключено. Ты не имеешь права стать лесбиянкой.

– Почему?

– Потому что тогда все скажут, что твой приемный отец-гей волшебным образом изменил твою ориентацию, начнутся пересуды, нам придется слушать рассуждения про природу и воспитание, и это будет о-о-очень скучно.

– Ты прав, – отвечаю я и жду, когда паучьи яйца посыплются с неба. – Значит, лучше предположить, что моя сосед-

ка просто нормальный приятный человек, с которым я не захочу вступать в сексуальные отношения.

— О да, — подтверждает Саймон. — Не сомневаюсь, она окажется славной девушкой. Сильные гуманитарные колледжи привлекают хороших студентов. Здесь отличные ребята.

Он пытается успокоить меня, но получается плохо.

— Конечно, — отвечаю я.

Мои пальцы касаются узловатой оранжевой ткани, которой обтянута кушетка, набитая, судя по всему, булыжниками.

— Саймон...

— Что, Элисон?

Я несколько раз перевожу дух, теребя нитки на этой ужасной кушетке.

— У нее, наверное, рога.

Он жмет плечами.

— Вряд ли.

Саймон делает паузу.

— Хотя...

— Хотя — что? — в ужасе спрашиваю я.

Долгое молчание, от которого я начинаю волноваться. Наконец Саймон медленно произносит:

— А вдруг у нее один рог.

Я вскидываю голову и смотрю на него.

Саймон всплескивает руками, явно пытаясь меня разве-селить.

– Как у единорога! Боже мой! Твоя соседка может оказаться единорогом!

– Или носорогом, – замечаю я. – Жутким кровожадным зверем.

– Ты права, – подтверждает Саймон.

Я вздыхаю.

– С другой стороны, если мне вдруг захочется почесать спинку, вся кушетка к моим услугам. – Я прижимаюсь к грубой ткани и вскидываю руки, прежде чем Саймон успевает возразить. – Да, знаю. Я просто воплощенный позитив.

– Для меня это не новости. – Синие глаза Саймона встречаются с моими.

Лицо у него загорелое и обветренное (он целое лето провел под парусом, в море, у побережья Массачусетса), каштановые волосы выгорели в тех местах, где еще не сменились сединой. Нужно ездить с ним чаще. В следующем году, наверно в следующем году...

– По-моему, чесалка для спины – это настоящая роскошь, которую предоставляет тебе Эндрюс-колледж, – говорит он. – Наслаждайся.

Обводя взглядом бетонные стены, я принимаю решение дать неизвестной соседке шанс. Я заставлю себя быть открытой и дружелюбной. Вдруг мы окажемся похожи. Конечно, нет нужды превращать наше случайное знакомство в настоящую, всеобъемлющую дружбу, потому что у меня уже есть лучшая подруга, Стеффи, и в моем сердце больше ни для

кого не хватит места. Но хорошие отношения с соседкой по комнате – это и правда может быть очень приятно.

Ну, не будем торопить события. Меня устроит и вариант «терпимо».

В дверь громко стучат, и она распаивается. В комнату заглядывает рослый парень с растрепанной бородкой и рядами бус на шее.

– Привет, ты Элисон?

Я киваю:

Он сияет.

– Круто! Приятно познакомиться. Я Брайан, староста корпуса. Короче, добро пожаловать. Мы рады, что ты живешь в Кирк-Холле. Год будет клевый.

Он тычет кулаком в воздух, и я стараюсь не морщиться.

– Слушай, подружка, один нюанс. Твоя соседка. С ней небольшая неувязка.

– В каком смысле? – спрашиваю я.

– Ну, типа, она в этом году не вернется в колледж. Какая-то там экспедиция в Антарктиду к морским леопардам. – Он корчит рожу. – По-моему, это какие-то мерзкие твари. Но, типа, несколько месяцев она будет сидеть в лаборатории и изучать их теоретически, а потом поедет, чтобы познакомиться с ними лично.

Саймон морщит лоб.

– Морские леопарды?

– Ну да. – Парень в бусах щиплет себя за переносицу. –

Наверно, воняют. Так что в этом году ты, птичка, видимо, будешь летать одна.

Вдруг он широко улыбается.

– Кстати! Сегодня отмечаем начало учебного года! В холле на третьем этаже! Ну, пока.

Он тычет в меня пальцем и исчезает, хлопнув дверью.

Саймон, кажется, потрясен исчезновением моей соседки, зато я приободряюсь.

Я маленькая птичка, которая в этом году будет летать одна!

– Ну что, пошли есть пахлаву, – говорю я с преувеличенным энтузиазмом.

– Элисон...

– Что? А. – Я заставляю себя принять унылый вид и не показывать, что вообще-то нынешний поворот событий меня устраивает. – В смысле, да, было бы очень приятно жить вместе с кем-то, но... всё нормально. Не сомневаюсь, у этой девушки будет необыкновенный год. Я рада за нее. А ты знал, что морских леопардов также называют леопардовыми тюленями? По-моему, это гораздо лучше звучит.

Саймон воздевает руки.

– Нет, не знал.

Он явно подбирает слова.

– Слушай, я в курсе, что ты не любишь людей, но это не значит, что надо радоваться, если...

– Если кто-то предпочел провести год в ледяной тундре,

изучая опасных и злобных животных, вместо того чтобы жить в одной комнате со мной?

Саймон грустнеет.

– Да. Но дело же не в том, что она знала тебя... и отвергла. Она просто воплощает свою мечту, ну или что-нибудь такое.

Мы сидим молча, и наконец мне становится так неудобно на твердой кушетке, что я встаю и подхожу к двери комнаты, где могла бы жить моя соседка. Я прислоняюсь головой к косяку и принимаюсь рассматривать пол.

– Жаль, что я не люблю людей. И, наверно, не стоит искренне радоваться, что я буду жить одна.

– Всё нормально, я понимаю, – мягко отзывается Саймон.

– И мне жаль, что я такая пессимистка.

– Это я тоже понимаю.

– И что... – Я не могу подобрать слова. – Короче, мне просто жаль. Я думаю, что ты совершил ошибку. Со мной.

Я впервые говорю вслух то, о чем думала несколько лет. Не знаю, почему это вырвалось именно сейчас, но, честно говоря, я много чего не знаю.

Краем глаза я вижу, что Саймон встает и поворачивается ко мне. Мягко, но очень уверенно он произносит:

– Нет. Я совершенно точно не ошибся.

Поскольку он хорошо меня знает, он не ожидает объятий или иных эмоциональных проявлений. Я доверяю Саймону, в том числе потому, что он уважает мои границы. Он в курсе, что пылкая сердечная привязанность – это не мое.

И люди.

И доверие.

– Но в чем лично я уверен, – продолжает Саймон, – так это в том, что ты обещала мне обед.

И мы идем в маленькое греческое кафе, расположенное в одном квартале от кампуса, и заказываем какое-то дикое количество еды. Я почти всё время ем и мало говорю, но Саймон умудряется сделать молчание не таким уж неловким.

– Интересно, какая она, – бормочу я в промежутках между глотками.

Я пытаюсь представить впечатления нормальной студентки – замечательную, шикарную соседку и себя, которой искренне нравится то, что происходит. Я два года прожила в общежитии и, что неудивительно, ни с кем не подружилась. Разумеется, это моя вина.

– Может, она клевая. Может, мы бы сошлись.

Саймон откашливается. Он-то знает, сколько у меня тараканов.

– Но, – спокойно продолжаю я, – самая большая любовь ее жизни – это, очевидно, леопардовые тюлени. А поскольку меня они приводят в ужас, мы бы, вероятно, всё равно не сумели подружиться. Так что это к лучшему.

Мне становится грустно, и я сосредоточенно принимаюсь доливать в бокал минералку.

– А что ты вообще знаешь про леопардовых тюленей? – прерывает Саймон мое навязчивое утоление жажды. – Я о

них почти не в курсе.

Найти в Интернете картинку нетрудно. Я поворачиваю к Саймону экран телефона.

– Зубы. У них не зубы, а настоящие копыя.

Саймон явно терпит поражение.

– Да. Ты права. Неприятный зверь. Возможно, эта девушка была бы не лучшей соседкой.

С чувством огромного удовлетворения я откидываюсь на спинку и чувствую, как голова перестает болеть.

Глава 2

Мы нашли

В девять часов вечера я уже лежу в постели, разгладив хрустящие простыни и убедившись, что идеальная складка у меня на груди сохраняет форму. Небольшой настольный вентилятор разгоняет воздух, ровно настолько, чтобы я не задохнулась от жары. Отчего-то при радостных воплях – где-то наверху студенты празднуют начало учебного года – в моем животе всё стягивается в узел, поэтому я не решаюсь открыть окно. Гудение вентилятора не заглушает звуки пьяного веселья целиком, но, по крайней мере, немного облегчает жизнь.

Внезапный стук в дверь пугает меня; потратив несколько секунд, чтобы справиться с паникой, я осторожно открываю.

– Элисон, привет! Как прошло лето? Пойдешь наверх?

Передо мной – миниатюрная девушка с пластмассовым стаканчиком в руке. Ее крашенные светлые волосы стоят на голове торчком. В прошлом году мы были в одной группе. Бекки? Белла? Брук? Что-то на Б.

Она замолкает, заметив, что я в пижаме.

– А. Видимо, нет.

Я широко улыбаюсь.

– О-о! Как приятно тебя видеть! Ничего себе! Ты шикарно

выглядишь. А какой загар!

Я стараюсь говорить с энтузиазмом и сама удивляюсь визгливым ноткам в собственном голосе.

— Честное слово, я страшно утомилась от летних вечеринок. — Я многозначительно смотрю на нее, как бы намекая, что последние несколько недель провела так безумно и скандально, что просто не в силах пережить еще одну тусовку. Я притворяюсь, что зеваю.

Девушка, которую зовут на Б, понимающе воздевает стакан и энергично кивает, так что прядь волос у нее окунается в пиво.

— Понятно. Ну ладно, отдыхай. В другой раз.

Мысль, что предстоит провести здесь еще два года, постоянно отбиваясь от социальных взаимодействий, пугает меня. Если бы я могла надеть шапку-невидимку и посещать занятия в таком виде, я бы это обязательно сделала.

— Конечно... — И я совершаю большую ошибку: делаю паузу, давая понять, что не помню ее имя.

— Кармен, — с легким раздражением отвечает девушка. — Кармен. В прошлом году мы жили в соседних комнатах и вместе занимались литературой и историей Британии.

— Конечно, я помню, как тебя зовут!

Я отчаянно пытаюсь придумать что-нибудь еще. Я не хочу ходить на вечеринки, но в то же время не желаю и обижать ее. В такие минуты мне отчаянно хочется быть менее странной и неуклюжей. В попытке казаться дружелюбной, я выпаливаю:

– Я... я просто заметила твои сережки и задумалась. Очень клевые. Такие оригинальные.

Она подносит руку к уху.

– Обычные серебряные сережки.

– Э... ну, я не имела в виду, что они прямо уникальные. Они... ну, такие, как надо. Не слишком маленькие, не слишком большие... идеальные. Понимаешь?

Кармен скептически смотрит на меня.

– Да, наверно.

– Очень красивые. Я бы тоже такие хотела.

– Их мне купила мама. Могу спросить у нее, где.

Я улыбаюсь.

– Вот это здорово. Спасибо!

Я понимаю, что говорю чересчур бодро, а потому сбавляю обороты и снова зеваю.

– В общем, мне жаль, что я сегодня такая дохлая. Выпей там за меня, ладно?

– Ладно. Сейчас и начну. – Кармен делает большой глоток и шагает по коридору.

Через несколько шагов она оборачивается.

– Приятно было повидаться, Элисон.

– И мне, Кармен!

Я запираю дверь и выключаю свет. Дверь, ведущая во вторую спальню, открыта, и я задумываюсь. Оставить ее так или закрыть? Не знаю. Если закрыть, будет казаться, что там кто-то есть. Спит, читает, целуется, хочет покоя... Как будто в

соседней комнате находится человек, с которым меня действительно хоть что-то связывает.

Открытая дверь будет напоминать, что там никого нет.

Честно говоря, я понятия не имею, что делать. Время идет.

Я срываюсь с места, хватаюсь за ручку и захлопываю дверь. Этой комнаты не существует. Потом я быстро закрываю входную дверь и поскорее возвращаюсь в постель.

Я лихорадочно натягиваю одеяло до подбородка, чувствуя нечто вроде панической атаки. Почему Кармен прошла именно здесь? Это необъяснимо. Пальцы у меня на ногах шевелятся, и я соединяю ступни, чтобы успокоиться. Затем обмахиваюсь простыней, прежде чем снова разгладить ее и убедиться, что складки лежат идеально. Саймон настоял на том, чтобы купить мне новое белье, хотя один комплект у меня уже был. Он всё выстирал и даже выгладил. И страшно расстроился, когда я попыталась отказаться от новых простыней.

– Нельзя же обходиться одним комплектом белья! Ну пожалуйста! Ради меня! Всего один год – пусть у тебя будет второй комплект! – умолял он. – Он такой плотный, просто прелесть!

Теперь у меня есть набор постельного белья повышенной плотности.

Тяжелый хлопок на ощупь менее привычен, чем дешевые жесткие простыни, на которых я частенько спала в детстве,

поэтому мне слегка неудобно и хочется достать из шкафа старое белье и перестелить постель. Но, чтобы порадовать Саймона, я терплю. Он несколько лет пытался дать мне нормальную жизнь.

Жаль, что я не позволяю ему этого. Но он не в состоянии решить мои проблемы, их слишком много.

Уже в десять лет я перестала надеяться на какую-либо стабильность. Я была готова смотреть в будущее с надеждой, но к десяти годам стало очевидно, что никто меня не удочерит. Никому не нужна застенчивая, неинтересная, упрямая девочка, уже давно миновавшая стадию очаровательной малышки.

Я закрываю глаза и глажу одеяло, пытаюсь справиться с тревогой, которая всегда накатывает, когда я вспоминаю прошлое.

Помню очень добрую женщину – социального работника, которая забрала меня из одной семьи, когда мне было лет восемь. Это было на Новый год, сугробы размывал дождь, и она не меньше десяти раз в минуту нервно поправляла свой розовый шерстяной шарф. Какая депрессивная профессия. Я до сих пор вижу улыбающиеся лица взрослых и двух детей, которые обнимали меня на прощанье, желали всего лучшего и благодарили за то, что я пожила у них. Они говорили мне спасибо, как будто я просто приехала в гости по обмену, чтобы познакомиться с жизнью состоятельной массачусетской семьи. Как будто они принимали меня только ради

развлечения. Но, по крайней мере, я хорошо ела, ходила в хорошую школу и полгода занималась балетом. Балет, впрочем, не стоил той боли, которую я ощутила, когда мне сообщили, что пора уезжать.

Мое детство представляло собой постоянную смену школ, комнат, домов, районов, семей. Я даже не помню, сколько у меня было новых учителей и одноклассников, сколько раз приходилось начинать сначала.

Были дни рожденья. Их либо праздновали с чрезмерной помпой, либо полностью игнорировали.

Я начинаю учащенно дышать и вцепляюсь пальцами в одеяло, напоминая себе, что получила даже больше, чем ожидала. Надо успокоиться. У меня есть Саймон. Он пообещал, что никуда не денется. Я его дочь. Он подписал бумаги. Теоретически он и не может никуда деться.

Не может избавиться от меня.

В атмосферу паники врывается телефонный звонок.

Стеффи. Единственный человек в мире, с которым я сейчас готова говорить. Я вытираю лицо и откашливаюсь.

– Привет.

– Привет! – радостно вопит Стеффи, и мне сразу становится спокойней.

Стеффи – единственное исключение в ряду доказательств, что мир ненадежен и нестабилен. С первой же минуты знакомства, в четырнадцать лет, мы принялись выживать вместе. В течение трех месяцев мы жили в одной при-

емной семье, где, кроме нас, было еще четверо детей, и этого времени хватило, чтобы скрепить нашу дружбу навеки.

– Ну, как Калифорния? – спрашиваю я.

– Солнечная и шикарная. Прямо как я. – Стеффи хрипло смеется, и я буквально вижу, как она отбрасывает назад свои длинные светлые волосы. – Я буквально создана для Лос-Анджелеса. И ты. Сама увидишь, когда закончишь колледж и приедешь.

Я улыбаюсь.

– Да.

Музыка на заднем фоне становится то тише, то громче. Гремят вешалки в шкафу.

– Ты куда-то собираешься?

– Ага. Сейчас включу громкую связь и буду собираться, ладно? Ну, как там у тебя дела? Попрощались с папой?

– Да. Всё нормально. Мы сходили в кафе.

– Саймон все такой же красавчик?

– Стеффи, фу!

Но я не в силах сдержать смех.

– Ну, он же не мой папа, – говорит Стеффи самым сексуальным своим тоном, так, что даже жуть берет. – Если бы я захотела, то стала бы миссис Саймон Деннис. Я была бы твоей мамочкой!

– Замолкни! Какие глупости. И потом, он гей, – напоминаю я. – Ты не в его вкусе. Слава богу.

– В том-то и дело. – Стеффи драматически вздыхает. –

Блин. Он всё еще носит те свои шикарные очки? Не надо, не отвечай. Почему любовь так жестока?

Я закатываю глаза.

– Думаю, ты как-нибудь переживешь, если Саймон не ответит тебе взаимностью.

– Да всё нормально, я утоплю печаль в водке с содовой, а окончательно меня утешит какой-нибудь горячий чувак. А ты? Сегодня вечером тебя ждут красавчики студенты?

Я едва удерживаюсь, чтобы не фыркнуть.

– Завтра лекции. Я сегодня... просто отдыхаю.

Почему-то я выговариваю это с трудом – и Стеффи сразу понимает, что дело нечисто.

– Что у тебя там творится, Элисон? – мягко спрашивает она.

– Всё в порядке.

– Трудный вечер?

Бесполезно ей врать.

– Да. Немножко. Не знаю, почему.

Музыка на заднем плане смолкает. Нравится мне это или нет, но Стеффи теперь полностью переключилась на меня.

– Хочешь поговорить? – спрашивает она.

Я молчу. Однако она достаточно хорошо меня знает, чтобы понять, что я киваю.

Стеффи начинает говорить вещи, которые давно мне известны, – но о них слишком часто приходится напоминать.

– Мы не статистические единицы. Мы победили систему.

Много лет мы никому не были нужны? Ну и плевать. Мы взорвали систему. Выросли без семьи, всеми отвергнутые, никому не нужные. К черту. Мы закончили школу, обе поступили в колледж. Не попали в тюрьму. Не колемся. Мы даже никогда не убегали и не шлялись по улицам. Мы не попали в статистику, – повторяет она с ударением. – Мы жили в плохих семьях. Жили и в неплохих. Неважно. Ты меня слышишь? Подробности роли не играют. Я не хочу жить в прошлом. И ты не хочешь. Мы туда не вернемся, всё закончилось. Мы, блин, не статистические единицы и никогда ими не будем. Мы – исключения. Мы исключительны. Тебе ясно?

Я вновь киваю:

– Да.

Пока не появилась Стеффи и не вытащила меня на свет, хотя бы в минимальной степени, я была не девочкой, а улиткой.

– Ну, что еще? – спрашивает она. – Что мы делаем? Каждый божий день?

Я перекатываюсь на бок и протягиваю руку, чтобы выключить маленькую настольную лампу, которая меня слепит.

– Думаем о будущем и не оглядываемся назад.

– О большом будущем, – повторяет Стеффи. – А почему нас ждет большое будущее? – спрашивает она.

– Потому что ты заставила нас учиться. Ты знала, что образование очень важно. Что это нас спасет.

Стеффи вовсе не хвастает, когда принуждает меня повто-

рять это; просто мне не помешает лишний раз оценить то, что проделали мы обе. И Стеффи имеет право ставить наши достижения себе в заслугу, поскольку она угрозами, ласками и подкупом добивалась моих контактных данных при каждом переезде. Она постоянно поддерживала со мной связь, даже когда нас разлучали. Стеффи – единственная причина, по которой я принялась за учебу: она сумела внушить мне, что это необходимо для выживания.

– И ты поступила в колледж. Хороший колледж.

– А ты получила стипендию в Университете Калифорнии. Никому это не удастся. Никому, – подчеркиваю я, как бы желая напомнить себе, чего добилась Стеффи.

Упорный труд и яростная решимость вполне окупились. Стеффи в гораздо большей мере, чем я, может служить статистическим исключением.

– Мы добились всего этого, – продолжает она, – потому что не забывали о своей цели.

Я смотрю в потолок.

– И потому что ты обо мне заботилась.

– Мы заботились друг о друге... – Стеффи делает паузу. – Помнишь, как ты меня выручила?

– Я не хочу об этом говорить.

Она ненадолго замолкает.

– Ладно. Но ты тоже обо мне заботилась.

– Почему ты сейчас этого не позволяешь?

– Потому что я крепкий орешек.

Я невольно смеюсь.

– О да. Но я просто хочу, чтоб ты знала, что я всегда готова помочь. Я для тебя что угодно сделаю.

– Конечно! Я не сомневаюсь. Слушай, Элисон...

– Да?

– Тебе в конце концов повезло, учти. У тебя есть Саймон. Не забывай этого. Когда мы решили, что все сроки прошли, когда казалось, что нам уже не нужна никакая семья, ты вдруг нашла отца. У тебя есть место, которое ты называешь домом и куда можешь ездить на каникулы. Пусть даже Саймон появился в твоей жизни поздно, не думай, что это ничего не значит. Ты побила все рекорды – тебя удочерили аж в шестнадцать.

– Но это нечестно.

Я не могу удержаться, когда Стеффи так говорит: меня начинает мучить совесть. Я зажимаю рот рукой, чтобы подавить рыдания, грозящие прорваться. Мне не сразу удается успокоиться. Я жду, пока мой голос не начинает звучать ровно. Бесстрастно.

– А тебя не удочерили.

– Я в этом и не нуждалась. Я ведь болела, Элисон. Кому нужен ребенок, больной раком? А потом, через много лет, когда я поправилась, я перестала нуждаться в них.

«В них» – значит, в Джоан и Кэле Канторах. Стеффи переехала к ним примерно в то же время, когда Саймон забрал меня. Но Джоан и Кэл не удочерили Стеффи. Они просто

дождались, когда ей стукнет восемнадцать, и отпустили ее на все четыре стороны. Ни поддержки, ни семьи, ни безопасной гавани.

Даже закаленная и независимая Стеффи была потрясена, когда Джоан и Кэл вежливо дали ей понять, что их обязанности в качестве приемных родителей закончены. Вот такой подарок на выпускной.

Я этого им никогда не прощу.

Даже не знаю, что сказать о Джоан и Кэле. Как отнестись к тому, что они отказались от самой замечательной девочки на свете. От девочки, которая могла стать их дочерью.

Как всегда, Стеффи заполняет тишину.

– Слушай, Элисон, я была как бомба замедленного действия. Ты же знаешь. Большой риск. И вообще, зачем мне добрая семья с тремя собаками, если есть ты? Слышишь?

– Да.

И все-таки я сомневаюсь.

– Эй! Перестань! – резко говорит Стеффи. – Не раскисай там! Что я всегда говорю?

У меня голова идет кругом.

– Не знаю...

– Держись за друзей. Помнишь? У меня есть ты, у тебя есть я. Если тебе повезло и ты нашла в этом жестоком мире одного – хотя бы одного – человека, ради которого стоит бороться, который тебя любит, доверяет тебе, который ради твоего благополучия убьет любого, тогда держись за него

крепко, потому что, может быть, это всё, что у тебя есть в жизни. Так вот, нам повезло, – уверенно говорит Стеффи.

– Да.

– Будет больно. А потом перестанет.

– Да.

– Повтори.

– Будет больно, а потом перестанет, – повторяю я, хотя и сомневаюсь, что верю в это.

Я не такая сильная, как Стеффи, и мне по-прежнему обидно думать о прошлом. Пусть даже худшее позади, я до сих пор ощущаю неумолимую, всепоглощающую боль, с которой не могу справиться.

Возможно, я просто сломалась.

– Стеффи? Ты никакая не бомба. Для многих потенциальных родителей ты была просто слишком хороша. Вот и всё.

Глава 3

Мотивация

На первой же неделе я выясняю кое-что неприятное: трудно найти такие предметы, на которые записывалась бы целая толпа студентов. Я предпочитаю большие лекционные залы и аудитории, которые позволяют любому человеку быть просто лицом в толпе. Хотя я в целом избегаю людей, иногда толпа, как ни странно, мне на руку.

Утром в пятницу я провожу тридцать пять минут в кабинете секретаря, перебирая разные варианты и одновременно прикидывая, где лучше всего удастся смешаться с толпой. Я решаю не бросать курс «Сто названий снега: язык и природа», поскольку речь там идет о том, как язык влияет на нашу картину мира, и это очень интересно. Кроме того, мы в основном слушаем, почти не принимая участия в разговоре. Меня это полностью устраивает. Напротив, от «Культур неолиберализма» я отказываюсь, потому что занятия проходят в конференц-зале в библиотеке, и я не желаю обсуждать «автономию экономических сфер» в присутствии шести других студентов и преподавателя. Вместо этого я выбираю популярную «Социальную психологию». А еще? «Еда, медиа и развлечения в потребительской культуре США» и «Вероятность и математическая статистика». Идеальный ба-

ланс между минимумом интерактива и действительно интересными предметами, которые мне нравятся.

Как только я разбираюсь с расписанием, следующие несколько недель проходят гладко. Я погружаюсь в приятную рутину – занятия, походы в библиотеку, чтение за едой в кафе. Наверное, я произвожу впечатление тихой девочки-зубрилки, но в Эндрюс-колледж это не такое уж необычное зрелище.

Однажды вечером в пятницу, в конце сентября, в удивительно хорошем настроении, я пробираюсь через толпу в студенческом клубе и выхожу во двор. Сегодня осталась только лекция по психологии, а предстоящие выходные не требуют взаимодействия с людьми. В клубном кафе подают отличный кофе со льдом, и я, потягивая его через соломинку, шагаю по солнечной лужайке к огромному дубу, под которым и устраиваюсь. До лекции еще полчаса. Поэтому я прислоняюсь к узловатому стволу и достаю из рюкзака книжку.

Я, наверно, единственный человек здесь, который предпочитает бумажные книги электронным. В общем и целом, я не большой фанат новых технологий. Конечно, я пользуюсь мэйлом и Интернетом, чтобы искать информацию и читать новости, и у меня есть мобильник – но и всё. Стеффи годами уговаривала меня завести аккаунты в Фейсбуке и на Твиттере, но при одной мысли об этом мне становится дурно. Как человек, буквально питающийся сплетнями о знаме-

нитостях, Стеффи не понимает моего желания держаться подальше от социальных сетей. Хотя у нее нет особенно близких друзей в Лос-Анджелесе, Стеффи уже завела кучу приятелей в Калифорнийском университете и постоянно где-то тусит с компаниями, с которыми познакомилась на студенческих вечеринках.

Мой кофе идеально крепкий и сладкий, и я делаю очередной большой глоток, сидя под деревом, чтобы убить время до начала лекции. Становится немного прохладнее. Наконец-то и здесь наступает осень. Я поднимаю голову и вижу, как дубовые листья трепещут на ветерке. На моем лице играют блики солнца и пятна тени. Здесь так мирно. Так тихо.

Я смотрю по сторонам и, как всегда, люблю старинными каменными зданиями. У Эндрюс-колледжа классический университетский облик; даже новые постройки спроектированы таким образом, чтобы не выбиваться из ансамбля. Деревья и кусты, мощеные дорожки, железные фонарные столбы лишь усиливают общую атмосферу. Вдохновленная прекрасным днем, я решаю проводить больше времени на воздухе, пока не настала свирепая зима. Постоянно торчать в комнате – это неразумно, а сидя под деревом, я, по крайней мере, могу наблюдать течение жизни, даже если не участвую в ней. Я понимаю, что если обращать капельку внимания на происходящее вокруг, можно многое услышать – как перекрикиваются игроки в фрисби, как болтают студенты, шагающие по дорожке, как наигрывает на гитаре музыкант,

устроившийся под соседним деревом... просто удивительно, сколько звуков я обычно игнорирую. Потрясающе. Еще один признак, что у меня не идеальное психическое здоровье.

Я наблюдаю за гитаристом. Он аккуратно одет, у него короткие, безусловно подстриженные волосы и клетчатая рубашка, заправленная в джинсы. Пристроив гитару на коленях, он перебирает струны и что-то напевает, обращаясь к девушке, которая лежит на боку и смотрит на него. Этот тип не похож на обычного музыканта. Больше всего он напоминает студента экономического факультета, который взял гитару, чтобы нравиться девушкам. Видимо, это работает, поскольку девушка, которую он развлекает, просто зачарована.

Это очень приятное зрелище, но я чувствую, как настроение у меня начинает портиться. На мгновение я ощущаю зависть. Не могу даже представить, что однажды какой-нибудь парень будет петь мне, не говоря уже о том, чтобы смотреть на меня так, как на эту девушку. Но завидовать не стоит, потому что скорее всего ничего хорошего у них не получится. Такова жизнь.

Они понятия не имеют, как это наивно – верить и доверять.

Я стараюсь не морщиться, когда он откладывает гитару, подползает к девушке, со смехом опрокидывает ее на спину и лезет целоваться. Господи, я и правда завидую. И мне грустно. Грустно, потому что со мной никогда такого не будет.

Я бросаю книжку в рюкзак и с силой застегиваю молнию, а затем шагаю к мусорному баку, чтобы выбросить кофе, который вдруг утратил вкус. Я кидаю стакан в бак, но он отскакивает, и на дорожке разливается кофейная лужа со льдом.

– Трехочковый, – хамски замечает кто-то, проходя мимо.

– Спасибо большое, – говорю я ему в спину.

И вздыхаю, глядя на разлитый кофе. Нельзя просто так оставить кубики льда валяться на дорожке, поэтому я приседаю и начинаю собирать их, тихонько ругаясь, потому что они постоянно выскальзывают из ладони.

– Скользкие, а?

Рядом со мной останавливаются две ноги. Краем глаза я замечаю рваные джинсы и красные кеды.

Ничего не говоря и не глядя на незнакомца, я продолжаю отчаянные попытки навести порядок. Нахожу в рюкзаке салфетки и стараюсь вытереть лужу.

Стоящий рядом человек наклоняется, и я вижу, как он ловко подбирает эти дурацкие кубики льда, которые проскользнули у меня между пальцев, и аккуратно бросает их в стакан, который я держу в руке. Предплечья у него смуглые и сильные, на запястьях – кожаные шнурки и тонкие веревочные браслеты. Мальчик косит под супергероя. Наверно, думает, что может отражать пули.

Я слегка поворачиваю голову и замечаю бицепс, выглядывающий из-под рукава белой футболки. Я быстро отворачиваюсь. Зачем он тут остановился?

И почему у меня сразу появились какие-то непристойные мысли?

И почему от него так пахнет печеньем и любовью?

Он собирает последние кубики, и я ухитряюсь успешно забросить стакан в мусорный бак, ничего больше не натворив.

– Спасибо. Девять миллионов муравьев скоро сползутся сюда на великий Праздник сахара, – мямлю я.

Парень, от которого пахнет печеньем и любовью, аккуратно льет воду из металлической канистры и моет дорожку.

– Не беспокойся.

Становится очевидно, что я должна посмотреть на человека, который проявляет такую чрезмерную любезность. Это нелегкая задача, и мне стыдно, но все-таки я изображаю улыбку, поворачиваюсь к нему и гляжу снизу вверх, потому что он выше сантиметров на пятнадцать (а во мне всего метр шестьдесят два).

Он смотрит на меня. Пристально. Я слегка сдвигаюсь вбок, чтобы избежать прямого зрительного контакта; мне хотелось бы вообще отвернуться, но его мягкие темно-каштановые волосы так красиво обрамляют лицо, что я удерживаюсь. Волосы длинноваты – передние пряди висят вдоль щек, а задние, беззаботно заправленные за уши, почти касаются плеч. Видимо, в последний раз он брился пару дней назад, но щетина ему идет. И мне приходится собрать волю в кулак, чтобы не засмотреться на необычные янтарные глаза незна-

комца, которые словно пронизывают меня насквозь. Я чувствую сильнейшее смущение. Но все-таки... смотрю. Недолго. Несколько секунд. Я позволяю себе обвести взглядом черты чужого лица, полные щеки, подбородок, который вселяет желание намекнуть его обладателю, чтобы он побрился – тогда я смогу рассмотреть получше...

С ума сойти. Я спятила. Меня временно накрыл какой-то ненормальный прилив гормонов, и я сейчас же выкину из головы эту ерунду. Сейчас, я сказала. Немедленно.

Наконец я отвожу глаза и выбрасываю мокрую салфетку. – Спасибо еще раз. Мне пора на лекцию.

Он собирается что-то сказать, поэтому я разворачиваюсь и вливаюсь в толпу студентов, которая спешит на другой конец кампуса. Как будто я и без того недостаточно выбита из колеи, мимо проходит Кармен. Она машет, и я вежливо машу в ответ, но ничего не говорю, хотя на самом деле мне хочется завопить. Какая я, оказывается, горячая штучка: пролила кофе, и тут же какой-то неизвестный красавчик бросился на помощь.

Лекция по психологии проходит в одной из самых больших аудиторий. Пусть даже студентов много, в зале остается масса свободных мест. Я сажусь, как обычно, с краю в среднем ряду, сразу же достаю тетрадь и делаю вид, что усиленно изучаю записи с прошлого раза. Большинство студентов ведут конспекты на ноутбуке, но Стеффи сказала, что, когда записываешь вручную, лучше усваиваешь материал. Она

где-то это вычитала. Я надеваю наушники и включаю белый шум – чтобы меня не отвлекали.

Аудитория постепенно заполняется. Кто-то похлопывает меня по плечу, и я подпрыгиваю. Это всего лишь какая-то девушка, которая хочет пройти мимо, чтобы сесть. Я киваю и встаю – и вдруг слышу голоса, которые перекрывают белый шум в наушниках. Подняв голову, я вижу, как в аудиторию входит парень, который помогал мне собирать лед. В животе у меня что-то обрывается. Он стоит на лестнице, ведущей к верхним рядам, окруженный студентками, которые воодушевленно болтают и, разумеется, строят ему глазки.

Не успев ни о чем подумать, я выключаю белый шум и медленно откидываюсь на спинку сиденья.

Парень улыбается, когда кто-то приветственно хлопает его по спине, и вскидывает голову, услышав восторженные аплодисменты кучки студентов.

Да кто же он такой?

Студенты начинают скандировать:

– Эсбен! Эсбен! Эсбен! Только вперед! Только вперед!

Значит, его зовут Эсбен. Этого подбирателя ледяных кубиков зовут Эсбен. Хм. Какая, впрочем, разница.

Я хмурюсь и сильнее вжимаюсь в спинку. Понятия не имею, что происходит, но почему-то я страшно волнуюсь. Этот тип, Эсбен, смеется и отмахивается. Девушка в третьем ряду окликает его, так громко, что слышно сквозь нарастающее скандирование, и жестом предлагает сесть на свободное

место рядом с ней. Очевидно, Эсбен – какой-то суперпопулярный в кампусе человек.

Я буду просто его игнорировать. Это нетрудно. У нас нет ничего общего.

Тем не менее я ловлю себя на том, что в течение полутора часов разглядываю затылок Эсбена. Приходится прилагать массу усилий, чтобы не забывать о конспекте. Почти против воли, я чувствую интерес к этому человеку, когда профессор, заговорив о харизматических лидерах, указывает на Эсбена, и вся аудитория смеется и хлопает. К концу занятия сердце у меня бешено колотится, и я буквально вскакиваю с места, как только преподаватель заканчивает диктовать список литературы. За считанные секунды я добегаю до двери и проталкиваюсь сквозь толпу студентов, чтобы поскорее выбраться наружу.

Дышать. Мне нужен воздух.

Ускорив шаг, я отделяюсь от толпы и в рекордное время добегаю до своей комнаты. Бросаю рюкзак на кушетку в гостиной и смотрю в зеркало, пытаюсь успокоиться. Челка лежит неплохо, длинный хвост не растрепался, макияж не поплыл, тушь не превратилась в отвратительные комки. Я вдыхаю и выдыхаю, пока не прихожу в норму.

И тогда замечаю довольно крупное пятно от кофе на своей желтой футболке.

Блин.

Дрожа, я стаскиваю футболку через голову и бросаюсь к

шкафу за чистой. Моя реакция на самое обыкновенное пятно, конечно, преувеличена, но я знаю, что на то есть свои причины.

В одиннадцать лет мне досталось настоящее чудовище в качестве приемной матери. Она буквально сходила с ума, если я пачкалась. Крохотного пятна грязи на обуви было достаточно для скандала, поэтому, чтобы не запачкать свои белые кеды, я стала ходить странным образом, задирая ноги. Любое пятнышко на блузке вгоняло меня в панику; я научилась постоянно быть начеку, отслеживая всё, что могло исключить меня из списка на усыновление. Эта женщина постоянно указывала на едва заметные пятнышки на моей одежде, морщилась и советовала мне пойти переодеться. И теперь я не могу избавиться от убеждения, что она вернула меня в приют, потому что я оказалась не в состоянии ходить в безупречно чистой одежде.

Поэтому я судорожно роюсь в шкафу, ища самую чистую футболку. Пусть даже я прекрасно понимаю, откуда эта паника, легче мне не становится. Моя безумная реакция – одна из миллиона проблем, которые развились у меня с годами.

Блин, я неисправима.

Я отношу испачканную футболку в ванную дальше по коридору. Держа ее под краном, я замечаю с изнанки что-то темное и издаю стон. Господи, а это что такое?

Мои пальцы лезут под ткань, и я нащупываю нечто пластмассовое. Озадачившись, я выворачиваю футболку наизнан-

ку и вижу на боковом шве пуговицу – светло-синюю, с белыми буквами.

«Не получишь то, что впереди, пока не отпустишь то, что позади».

Я недоуменно смотрю на нее. Каким образом на моей одежде оказалась пуговка с девизом?

«Не получишь то, что впереди, пока не отпустишь то, что позади».

Какая чушь. Некоторые люди просто не в состоянии избавиться от своих проблем.

«Не получишь то, что впереди, пока не отпустишь то, что позади».

Пуговка буквально бросает мне вызов. И я невольно улыбаюсь.

Очень странно. Какая-то глупая пуговка, оказавшаяся у меня на футболке. Внезапно. Но, надо признать, в этом есть элемент чуда. Наверное, не стоит так сразу отмахиваться.

Пуговка, возможно, умнее, чем я.

Глава 4

Белый шум

Я решаю провести выходные как настоящая затворница. Буду выходить из комнаты только для того, чтобы заплатить за доставку пиццы и принять душ. Впрочем, в пятницу вечером заснуть почти невозможно: меня терзают звуки пьяного веселья, разносящиеся по коридорам. Ворочаясь и крутясь в постели, я понимаю, что вариантов два. Либо я сопьюсь за компанию, либо куплю беруши.

Лучше беруши.

Впрочем, ко мне никто не ломится, и это хорошо.

Сплю я беспокойно, и меня мучают дурные сны – сны, в которых я сижу за рулем машины, потерявшей управление, или бегу по аэропорту, без багажа и без билета, не в состоянии найти нужный выход, или стою перед бесконечной вереницей запертых дверей, от которых нет ключа.

Совершенно измученная, я просыпаюсь в субботу в восемь утра. Я не переживу этот день без кофе, а значит, все мои надежды на уединение пошли прахом. Впрочем, проснуться утром в выходной приятно: в кампусе царит полная тишина. По пути в студенческое кафе я встречаю лишь двух-трех человек. Воздух свеж, листья начинают желтеть, и я радуюсь неизбежному наступлению настоящей осени. Кам-

пус Эндриус-колледжа всегда красив, но сегодня утром особенно. Повсюду благословенное безлюдье, и мой недосып кажется не таким уж страшным.

Но все-таки мне нужен кофе.

Учитывая мою любовь к тишине, мне, наверное, нужно в следующем году, после выпуска, уехать куда-нибудь в глушь. Можно жить, заказывая всё необходимое онлайн. Совсем необязательно выходить из дома. Мысль, конечно, очень притягательная, однако я пообещала Стеффи приехать к ней в Лос-Анджелес. Таким изначально был наш план, хотя я сомневаюсь, что выживу в густонаселенном городе. Но, разумеется, мы будем вместе, и с ее помощью я как-нибудь разберусь во всем. Стеффи – моя опора, и она не позволит мне пасть духом.

В кафе пусто, и угрюмый студент, который сегодня работает, сразу же принимает мой заказ. Вид у него сердитый и еще более утомленный, чем у меня; он надвигает на лицо бейсболку, прежде чем взять деньги и нажать кнопку на кассе. «Вот, – с удовлетворением думаю я, – вот человек, который мне нравится». В отличие от Эсбена. Беззаботный, счастливый, открытый людям. Эсбен – загадка. Сама не знаю, впрочем, отчего я о нем думаю. В моей жизни он не играет никакой роли.

Впору обнять этого мрачного парня за кассой, так мне нравится его неприкрытое недовольство миром.

Я беру четверной капучино и проверяю почтовый ящик.

Оказывается, я пропустила одно извещение.

Саймон прислал еще одну посылку. Уже пятую с начала года. Не то чтобы мне это было неприятно – я просто не знаю, чем ответить на его щедрость. Я забираю коробку и несу ее под мышкой, подумав, что меня, как ни странно, радует зрелище обыкновенной белой обертки и написанного от руки адреса.

Идти с коробкой и кофе довольно неловко. Приходится поставить посылку наземь, чтобы достать ключ от входной двери. Когда я наклоняюсь, тяжелая металлическая дверь вдруг распахивается и бьет меня по правому плечу. Потеряв равновесие, я приземляюсь на бетон и сама не знаю, что хуже – боль от удара или ожог от горячего капучино.

Парочка, которая секунду назад держалась за руки и хихикала, теперь ахает и искренне извиняется. От них густо пахнет спиртным и сексом. Я поспешно встаю, подбираю коробку и захожу, прося их не беспокоиться.

Я захожу в комнату и сердито гляжу на свой стакан – наполовину пустой. Нечего удивляться, я уже поняла, что не в состоянии получить дозу кофеина без катастрофы. Я очень осторожно, как кубок с расплавленным золотом, ставлю стакан на столик и приказываю ему:

– Не падай!

Я открываю дверь в пустую спальню и кладу посылку поверх четырех других коробок. Я знаю, что поступаю неправильно, но не могу заставить себя открыть посылки. Если

я увижу, что в них, и пойму, как вдумчиво Саймон собирал все эти вещи, то почувствую себя еще более виноватой, чем если просто их не открою. Впрочем, что-то привлекает мой взгляд. Обратный адрес выглядит капельку необычно. Я наклоняюсь и прищуриваюсь. Вместо привычного пиона на марке, над фамилией отправителя, я вижу морского леопарда. У Саймона странное чувство юмора, но мне оно нравится. И все-таки я оставляю коробку неоткрытой.

За моей спиной захлопывается дверь, и я смеюсь: мои соседи по комнате – посылки от Саймона.

Плечо сильно болит, рука тоже, рукав мокрый от кофе. Я стягиваю толстовку, ворчливо сетуя на то, что это уже становится однообразным, и надеваю просторную футболку. Стирая толстовку, я невольно прощупываю ее. Разумеется, здесь нет никаких дурацких пуговок-мотиваторов, но я все-таки проверяю. На всякий случай. Сегодня я бы порадовалась им. Меня охватывает разочарование, когда я ничего не нахожу, но я продолжаю перебирать пальцами ткань, просто чтобы убедиться, что ничего не пропустила. Зачем? А вдруг за мной наблюдает какой-то ангел, специализирующийся на пуговках с позитивными девизами. Так?

Нет.

Я схожу с ума.

Я достирываю толстовку, забираю остатки кофе и усаживаюсь на кровать. Пишу вежливое спасибо Саймону и не знаю, чем заняться дальше. В комнате до смешного чисто,

как всегда. Честно говоря, даже слишком. Шкаф лишь наполовину полон и давно приведен в порядок; верхняя одежда развешана по цвету, белье аккуратно сложено на высокой полке, поэтому нет причин устраивать субботнюю уборку. Гостиная пуста, не считая мебели, которая всегда здесь стоит, поэтому тут тоже делать нечего. Можно приложить к плечу холодный компресс, хотя трудно назвать это делом. Впрочем, учитывая мои опции, вариант неплохой. Я достаю из маленького холодильника, который стоит рядом с кроватью, пакет мороженных овощей и пятнадцать минут разглядываю стенку, пока холод не пересиливает боль от ушиба.

Часы буквально кричат, что еще рано. Впереди целый день, который предстоит пережить.

Ну, в конце концов, всегда можно позаниматься.

В течение нескольких часов я читаю и перечитываю учебники и конспекты, затем выполняю задания на следующую неделю. Статистика, к счастью, суха и не вызывает никаких эмоций, и я сижу, погружившись в цифры и графики, пока в животе не начинает урчать. Больше уже невозможно торчать в комнате, не отрывая глаз от страницы. Надо что-нибудь заказать, но... стены буквально давят на меня. Это совсем не в моем духе – чувствовать себя неуютно в собственной комнате, но так и есть. Мне тревожно здесь. Пугающее ощущение.

Короткая прогулка, которую я проделала утром, была достаточно приятна. Она убедила меня, что я в состоянии выйти на улицу. Сегодня какой-то другой воздух. Но бродить по

кампусу я не желаю. Лучше погулять по Лэндону – это, конечно, не мегаполис, но довольно большой город.

В квартале от колледжа я покупаю в органическом кафе вегетарианский сэндвич и ем на ходу. Сама не знаю, куда иду – во всяком случае, движусь в сторону центра. Покончив с едой, я звоню Стеффи, но она не отвечает. Наверное, еще спит после вчерашних развлечений. Готова поклясться, что она танцевала до трех часов ночи, окруженная восхищенными парнями, которые весь вечер ее поили. Не исключаю, что один из них сейчас с ней, и потом я захочу подробностей.

Надев наушники, я включаю свой обычный белый шум. Я позволяю кружащемуся звуку заполнить мое сознание и иду, ни о чем не думая. Я несколько часов беспокоилась и волновалась, не в состоянии впасть в привычный ритм, и мне это надоело. Нужно, как раньше, получать удовлетворение только от занятий. Учеба и Стеффи – вот мои опоры. Именно они удерживают меня.

Прогуляв значительно дольше, чем рассчитывала, я оказываюсь в пригороде Лэндона, на широкой улице, застроенной маленькими магазинчиками, ресторанами и барами. Это старая часть города, с мощеными улицами, с фонарными столбами, которые стоят через равные промежутки, с уймой вывесок в стиле ретро. Очень мило. Но я сразу же задумываюсь, что мне тут, собственно, делать. Я не хочу заходить в магазины, сидеть в кафе и общаться с местными. Однако после часовой прогулки я устала и натерла пятки, так

что надо несколько минут отдохнуть, прежде чем отправиться обратно. В конце улицы виднеется парк; и я устремляюсь туда, опустив голову и обходя прохожих, пока все магазины не остаются позади.

Действительно, парк. А кроме того, огромное озеро. Я хмурюсь. Почему я не знала, что тут есть озеро? Господи, я ничего вокруг не замечаю.

Я сажусь на одну из многочисленных скамеек и смотрю на воду.

Солнце стоит высоко, и лучи отражаются от легкой ряби на воде. Я делаю погромче шум в наушниках и люблюсь белыми бликами, которые трепещут передо мной. Озеро такое большое, что дома на противоположной стороне едва различимы. Темно-синяя вода заманчиво плещет всего в шаге от моих ног. Она намного соблазнительней, чем растущая на берегу тонкая трава. Озеро обладает спокойствием, которого недостает мне. «Интересно, оно глубокое? Тут можно плавать? А исчезнуть? Утонуть?»

Но я ничего не делаю – только смотрю. Ни о чем не думаю. Ничего не помню.

Не строю планов.

Я опустошаю свой мозг, пока не выкидываю из него всё. Пока не перестаю чувствовать себя – собой. Пока не перестаю чувствовать себя кем-либо.

Я просто существую. Еле-еле.

Закрыв глаза, я погружаюсь глубже в себя. Пусть это и не

покой, но, во всяком случае, стабильность, и я сижу, не желая никуда идти, хотя руки у меня начинают мерзнуть. Впрочем, свет, пробивающийся сквозь опущенные веки, постепенно меркнет, меркнет, и я невольно возвращаюсь к действительности.

Открыв глаза, я понимаю, что солнце клонится к закату. Похоже, я несколько часов просидела на этой скамейке. Но неважно. Тени сгущаются над водой, превратив синий цвет в почти черный. Я отворачиваюсь, когда мое зрение начинает вновь привыкать к реальному миру.

Жаль, что я недостаточно его люблю. Жаль, что я не способна радоваться жизни. Я о многом жалею – и сама не знаю, могу ли исцелиться. Наверно, надо пытаться, но я понятия не имею, с чего начать.

Я качаю головой и перестаю грезить. Было глупо уходить так далеко. Теперь мне предстоит часовой путь до кампуса при неприятно низкой температуре. Я скрещиваю руки, чтобы согреться, и возвращаюсь на главную улицу. Я забыла, что транспорт не допускают сюда после пяти часов, поэтому люди спокойно бродят по проезжей части. Вокруг полно студентов, которые выбрались в город, чтобы провести вечер в баре, и я иду, не поднимая головы. Надо миновать это место побыстрее. Несколько раз я с кем-то сталкиваюсь, но не реагирую, даже когда какой-то дюжий парень врывается мне в ушибленное плечо. Я ничего не чувствую. Наверное, это странно.

Я уже прошла полдороги и по-прежнему не отрываю взгляда от булыжников, когда вдруг кто-то хватает меня за руку и тащит на тротуар.

– Можешь помочь? Нам не хватает одного человека. Всего пара минут, не больше! Это мой брат. Честное слово, он очень клевый!

Голос девушки звучит дружелюбно и весело, но я поднимаю голову с огромной неохотой.

– Что? – невнятно спрашиваю я и мельком гляжу на нее.

Ее короткие светлые волосы заправлены за уши, одна прядка выбилась. Она буквально пританцовывает передо мной, продолжая тянуть меня за руку.

– Ну же. Ничего страшного. На, подпиши. Ничего особенного, это просто твое согласие.

Я едва слышу ее слова, потому что слишком занята: я пытаюсь не запутаться в собственных ногах. А еще думаю, как бы сбежать. Через несколько шагов девушка останавливается и достает из сумки блокнот.

– Как зовут?

– Меня? О...

Я понятия не имею, что происходит. Видимо, сбор подписей для какой-то петиции.

– Элисон Деннис.

Она заставляет меня подписаться. Надеюсь, я не вступила в группу поддержки китовой охоты или поголовного перехода на соевое питание.

– Всё, что тебе нужно – это сесть на стул и удерживать зрительный контакт в течение ста восьмидесяти секунд, – говорит девушка. – Не говорить, не издавать никаких звуков, не отводить глаза, ничего не трогать. Просто удерживать зрительный контакт.

Я встряхиваюсь.

– Что?

Вокруг стоит слишком много людей, и больше всего я хочу убежать, но, боюсь, эта девица вполне способна за мной погнаться. Лучше уж выполнить ее просьбу, а потом уйти.

– Это просто социальный эксперимент. Ничего страшного. Меня зовут Керри. Я буду снимать.

Она широко улыбается.

– Ну, садись. Давай, пока еще не стемнело.

Керри направляет меня к стулу, стоящему возле маленького складного столика.

– Снимать видео? Подождите, нет! Я не хочу участвовать ни в каких экспери... – начинаю я, но Керри буквально силой заставляя меня сесть.

Напротив стоит пустой стул, и я стискиваю руки, чувствуя, как нарастает тревога. Очевидно, речь не о петиции. Как там она сказала? Сто восемьдесят секунд? Я буду должна на кого-то смотреть? Супер. Но это всего три минуты. Через три минуты кошмар закончится. Я вернусь к себе, заберусь в постель и снова исчезну. Я очень хочу вернуться туда, где была несколько минут назад. В место, которого нет.

Я сжимаю и разжимаю пальцы, сосредоточенно крутя кольцо, которое ношу на правой руке, в то время как мои ноги сами собой выстукивают дробь.

Кто-то садится напротив, и я осторожно поднимаю голову.

Там сидит Эсбен.

У меня всё сжимается внутри от прилива адреналина и от ощущения опасности. Мое тело напрягается и как будто готовится. Не знаю, к чему.

На лице Эсбена мелькает узнавание. Он запомнил меня вчера, и от этого я начинаю волноваться еще больше. Мы впервые оказались лицом к лицу, и его присутствие одновременно отталкивает и манит. Мне тут же становится дико стыдно, потому что отчасти я хочу подбежать к нему, а отчасти оттолкнуть – так, чтобы он свалился со стула, чтобы никакого эксперимента не пришлось проводить. Но вместо этого я пытаюсь совладать с холодом, который струится в моих жилах. Эсбен ерзает, чтобы усесться поудобнее, и небрежно проводит рукой по спутанным кудрям. Он отводит волосы от лица, и я могу убедиться, как он потрясающе красив. Я хмурюсь. Он совершенно спокоен и сидит, откинувшись на спинку, как будто эти странные приготовления – самая естественная вещь в мире.

Мое желание сорваться и бежать усиливается втрое. Я могу уйти. Я не обязана сидеть здесь.

Пугающие обстоятельства не лишили меня воли. Но все-

таки я не уйду. Как ни странно, я словно привязана к этому стулу.

Я поворачиваюсь и ищу Керри, но она уже стоит наготове с камерой. Вокруг собралась затихшая, очень большая толпа зрителей. Как будто я и без того не чувствую себя совершенно выбитой из колеи. Выжидающая тишина, которая охватывает всех, еще больше меня нервирует.

Эсбен негромко спрашивает – необыкновенно ласковым, ободряющим тоном:

– Ты готова? Сто восемьдесят секунд.

Глава 5

Сто восемьдесят секунд

Сто восемьдесят. Это немного. Просто ерунда.

Я медленно обвожу его взглядом. Начинаю с кистей, которые спокойно лежат на столе, затем рассматриваю браслеты. Чуть-чуть скашиваю глаза вправо – там ярко-синяя футболка. Наконец я слегка приподнимаю подбородок и вижу небритые щеки и легкую улыбку.

«Прекрасно, – говорю я себе. – Это просто парень. За три минуты он ничего со мной не сделает».

Мы встречаемся взглядами. В закатном свете его янтарные глаза кажутся еще ярче. Он поднимает брови, словно спрашивая: «Готова?»

Я смотрю на него и киваю, как будто он предлагает мне сойтись с ним в бою не на жизнь, а на смерть. Как будто я стану сильнее, чем есть, если переживу следующие три минуты.

– Сто восемьдесят секунд, – напоминаю я.

И он вдруг слегка колеблется. Но тут же одаряет меня одобрительной улыбкой, которую я не в состоянии отнести лично к себе. Он, вероятно, проделывал это бесчисленное множество раз. Я всего лишь очередная участница эксперимента.

Эсбен подает сигнал Керри, и та говорит:

– Время пошло.

Десять секунд. Его глаза буквально пронизывают меня. Эсбен не тратит времени впустую. Он, можно сказать, вкладывает в это дело душу, когда наши взгляды встречаются. Я крепче стискиваю руки. Хотя мне и неприятно то, что происходит, хоть заставляя себя не отводить взгляда – это ужасно, я сохраняю невозмутимое выражение лица. И держусь. Не знаю, хватит ли сил. Эсбен еще усугубляет ситуацию, поскольку смотрит на меня спокойно и без всякого смущения. Но я не сдамся.

«Всё очень просто, – напоминаю я себе. – Просто смотри на него, оставайся серьезной и несгибаемой. Ничего не надо чувствовать, потому что для этого нет никаких причин».

Двадцать пять секунд. Мне мало что известно про сидящего напротив человека, но я знаю наверняка, что мы совершенно не похожи. У него есть всё то, чего нет у меня. А главное, я понимаю, какое это идиотское занятие – смотреть на малознакомого парня. Еще несколько секунд – и я начинаю злиться. Меня бесит всё. Потому что, сидя под пристальным взглядом Эсбена, я догадываюсь, что он видит нечто большее, чем мое лицо. И от этого я нервничаю. Чувствую себя уязвимой. Злюсь. Он каким-то образом пробил мою броню, и в отместку я закрываюсь еще сильнее.

Тридцать три секунды. Я не в силах подавить растущую ярость. Как он посмел поставить меня в такое положение?

Именно меня! Он – живое воплощение свободы, щедрости, открытости. И сейчас я его ненавижу. Видимо, Эсбен это чувствует, потому что слегка откидывает голову.

Пятьдесят секунд. Я стараюсь, как могу, но силы на исходе. Ненавидеть Эсбена не так уж легко. Он смотрит добродушно, даже нежно, а я ощущаю усталость: не столько выражение лица, сколько сам факт его присутствия начинает меня изматывать. Нельзя отрицать, что, как бы я ни хотела ненавидеть Эсбена, он источает какую-то спокойную энергию, которая берет надо мной верх. Кожа у него вокруг глаз слегка движется, как будто он хочет улыбнуться, но сдерживается. Почему-то он чувствует себя хорошо: этот эксперимент словно окрыляет Эсбена. Пытаясь шевелиться как можно меньше, я делаю глубокий вдох, чтобы показать, что на меня его чары не действуют, и медленно выдыхаю в щелочку между губ. Я не могу ненавидеть его. Просто не могу, как бы мне ни хотелось. Стыдно ненавидеть чужое счастье. Или радость. Ведь всё дело в этом. Эсбен умеет радоваться.

Возможно, я завидую, что у него есть то, чего нет у меня. Я пытаюсь побороть свою неприязнь. Семьдесят три секунды. Вопреки желанию, я невольно втягиваюсь в процесс. В *него*. Наверняка зрители шумят, но я не слышу ничего, кроме собственного мерного дыхания. Незнакомое ощущение покоя и расслабленности охватывает меня, и я его не гоню. Оно приходит так редко, особенно когда кто-то рядом. Да, я знаю, что такое безмятежность, но моя версия безмя-

тежности – это, скорее, пустота. Ничто. Отсутствие боли. То, что я испытываю сейчас – совсем другое. Я погрузилась в этот новый вариант спокойствия, и у меня есть партнер. Эсбен, несомненно, участвует в происходящем вместе со мной.

Девяносто четыре секунды. Эсбен слегка наклоняет голову, как будто он что-то во мне разглядел. Но как?

Понятно. Нравится мне это или нет, он рассматривает меня по частям, точно так же, как я рассматриваю его. Не говоря ни слова, я изучаю сидящего передо мной человека. Впитываю то, как он выглядит.

Хм. Эсбен не видит во мне что-то; он что-то ищет.

Он, несомненно, чувствует, как высоки мои стены, и я одновременно стыжусь и радуюсь, что мой секрет раскрыт. Меня охватывает нечто вроде смущенного облегчения. Впервые я верю, что кто-то хочет узнать, какая я на самом деле. Оценить.

Сто восемь секунд. Он так открыт, он хочет жить здесь и сейчас, чем-то обмениваться с другими людьми... Всё это сильнее, чем я. Но Эсбен понятия не имеет, чего просит от меня и что найдет. И мое настроение сразу меняется. «Хочешь поиграть? – подзадориваю я. – Хочешь использовать меня для какого-то проекта по психологии? Давай. Тони вместе со мной. Я выхожу из-за стен».

Впервые я смотрю на него, не притворяясь. Отдаю ему себя. Заново переживаю всё, что делаю каждый день, и переправляю свои мысли Эсбену. Посмотрим, выдержит ли он.

Без единого слова, я могу убить его собственной болью и гневом. И именно этого я хочу. Победить Эсбена, яростно растоптать. Проходит лишь несколько секунд, и огонек в его глазах меркнет. На мгновение кажется, что он растерялся. Я узнаю это выражение, потому что сама чувствовала себя так много раз. Теперь он стал серьезнее и внимательнее. Словно желая наказать Эсбена, отвлечь, я принимаюсь думать о том, как ненавижу себя. О том, что я неспособна даже хотя бы приблизительно быть такой, как он. Я мысленно перебираю все дома, в которых жила, все школы, все семьи, которые так и не стали моими. Моя жизнь, от начала до конца, представляет собой разрозненные фрагменты головоломки, которые невозможно сложить.

Я хочу, чтобы Эсбен почувствовал мою постоянную боль.

Сто двадцать девять секунд. То, что он делает, невозможно игнорировать. Даже я этого не могу. Ни на одну секунду он не оставляет меня. Несмотря на весь тот ужас, который я обрушиваю на него, Эсбен не позволяет нам разлететься в разные стороны. Он словно дает мне невысказанное обещание не исчезать. Травмы, которые напоминают о себе каждый день, каждый час, каждую минуту, уходят, и я едва ощущаю их присутствие.

По какой-то непонятной причине я теряюсь в нем. Чувствую себя под защитой. Прямо сейчас у меня нет прошлого, которое я ненавижу. Прямо сейчас – я здесь, с ним.

Сто сорок семь секунд. Даже не отрывая глаз от лица Эс-

бена, я вижу, как от дыхания у него поднимаются и опускаются плечи. Помимо доброты и искренности, есть и еще что-то. Отчаяние? Желание победить? Я вдруг понимаю, что он не так пугающе совершенен.

У Эсбена имеются свои слабые места. Очевидно, у нас все-таки есть нечто общее.

Сто шестьдесят секунд. Наша связь так интимна, что это пугает меня до чертиков. Как будто на мою грудь давит тяжесть, которую нельзя сбросить. Никогда раньше я не испытывала такого ужаса.

И никогда не казалась себе такой цельной, исполненной надежды, не одинокой.

Мое тело начинает дрожать. Я молюсь, чтоб это ощущение продолжалось, и одновременно – чтобы его не было. Я не хочу всё время бояться; не хочу ждать, что земля вот-вот разверзнется под ногами. Я хочу быть счастливой, по-настоящему счастливой.

Если бы я только могла укрыться от надежды, которая пробивает брешу в моей обороне. Я чувствую приближение слез и стискиваю зубы, чтобы подавить рыдания. Эсбен слегка приподнимает голову и шевелит губами. В его лице смесь тревоги, сочувствия, обещания и... Господи, желания... и я знаю, что не ошиблась. В глазах Эсбена вновь появляется огонек. Он с силой втягивает воздух, словно пытаюсь сосредоточиться, и этот рваный звук пронизывает мое тело.

Он, как и я, с чем-то борется. Мы сражаемся вместе.

Сто семьдесят три секунды. Чувства вот-вот поглотят нас целиком. Я больше не выдержу этого напряжения. Умру от боли, которая охватила мое сердце. Я знаю, что так и произойдет. Я покорюсь этой силе, этому зову – и никакой победы не будет.

Становится трудно дышать: во мне пробуждается паника. Я сейчас упаду. Потому что я, черт возьми, живая, но до сих пор почти не чувствовала жизни.

До него.

Доносится негромкий голос Керри:

– Время.

Мы оба встаем. Эсбен отталкивает стул и переворачивает столик, а я борюсь со слезами. Мы бросаемся друг к другу. Эсбен движется быстро, как молния – он буквально врезается в меня и отрывает от земли, обвив мою талию руками, как будто мы ждали этого целую вечность, как будто невозможно больше откладывать наше воссоединение. Я обхватываю его за шею и прижимаю к себе крепче, чем кого-либо за всю жизнь. Прошло уже очень много времени с тех пор, как у меня был с кем-то столь близкий контакт, и я буквально тону в этом ощущении. Я прижимаюсь к Эсбену со слепой, иррациональной верой, повинуюсь только инстинкту. Не разжимая рук, он ставит меня наземь, и я сплетаю пальцы, чтобы наши объятия не распались. Он дрожит, может быть, даже сильнее, чем я.

Я утыкаюсь лицом ему в грудь. Кажется, я могла бы вечно

так прятаться. Или это не значит прятаться. Может быть, это значит жить.

Может быть.

Может быть...

Нет. Исключено.

Но мои руки невольно скользят по плечам Эсбена, пока я не упираюсь ладонями ему в грудь. Я буквально вижу, как выглядит мое прикосновение, как мои ладони повторяют форму его тела, как морщится ткань футболки, когда я притягиваю Эсбена ближе. Он наклоняет голову, а я запрокидываю лицо, так что мы прижимаемся щеками. Он продолжает меня обнимать. Мне нравится грубое прикосновение его щетины, звук неровного дыхания, надежная хватка. Более того, мне нравится жар его рта и та нежность, с которой он касается губами моей щеки.

Потому что я сама не своя, у меня не хватает здравого смысла остановиться, когда я подставляю Эсбену лицо. Его губы устремляются ко мне, как будто ждали этого. Как будто он знал, что так и будет. Мы самым естественным образом сливаемся в поцелуй, который не назовешь медленным и бережным. Он полон необъяснимого отчаяния, поисков спасения, исцеления, возможности покориться...

Господи, я ни о чем думать не могу. Ничего не могу делать, кроме как раствориться во вкусе его губ. Руки Эсбена касаются моей щеки в том месте, где он недавно прошелся губами, а движения языка продолжают рассылать по моему

телу волны жара. Я всё никак не в состоянии насытиться, голод сводит меня с ума и заставляет схватить его обеими руками за голову, чтобы он точно не оторвался...

Если Эсбен прекратит, всё закончится. Всё. Я вернусь к жизни, к которой не готова.

Больше ничего я прямо сейчас не способна осмыслить и понять. Значит, наш поцелуй должен продолжаться.

Большими пальцами Эсбен касается моих щек, потом глаз, и я чувствую, как он стирает с них слезы. Одной рукой он приглаживает мне волосы. Поцелуй становится нежнее. Его губы начинают двигаться медленнее, точнее, более страстно. Он тоже не в силах прерваться – я это чувствую. Не знаю, сколько времени мы стоим так, прижавшись друг к другу. Видимо, долго.

Только когда кто-то нарушает тишину громким свистом и зрители, собравшиеся вокруг, начинают радостно вопить и хлопать, а время от времени издавать непристойные возгласы, я резко возвращаюсь в реальность.

Я быстро отстраняюсь от Эсбена и глотаю воздух.

Что я наделала? Господи, что я наделала?

Это безумие. Он не хочет выпускать меня, но я отступаю на три шага и вижу, как на его лице появляется замешательство. На моем, очевидно, тоже.

Слегка – чтоб заметил только он один – я качаю головой. «Мы зря это сделали». Еще шаг назад, затем другой. Эсбен тоже качает головой, прося меня не уходить. Умоляя.

Но я ухожу. Потому что так всегда бывает. Люди уходят.
Когда всё хорошо. Когда всё плохо. Люди уходят.

Но на сей раз я ухожу первая.

Глава 6

От любопытства не умирают

Чтобы пойти в понедельник на лекцию по социальной психологии, приходится собрать волю в кулак. После... «инцидента» я до конца выходных не высывалась из комнаты. Глупого, нелепого, непростительного инцидента. Очевидно, мной овладело какое-то временное безумие. И я с ужасом думаю, что другие студенты это тоже видели. Поэтому я иду на занятия, опустив капюшон и надев огромные солнечные очки, которые скрывают лицо почти целиком. Шея, подбородок и рот замотаны цветным шарфом. До меня смутно доходит, что, возможно, этот дурацкий маскарад привлечет ко мне гораздо больше внимания, но так я чувствую себя в безопасности. Впрочем, по пути в аудиторию не случается ничего из ряда вон выходящего.

Когда я приближаюсь к тому месту, где Эсбен помогал мне собрать кубики, звонит мобильник. Я рассеянно отвечаю:

– Привет...

– Привет! – восклицает Стеффи. – Слушай, куда ты пропала? Ты вчера не отвечала ни на звонки, ни на эсэмэски. Что ты делала? Обнималась с каким-нибудь красавчиком-студентом? – спрашивает она с надеждой.

Я спотыкаюсь и чуть не роняю телефон.

– Что?.. Нет! О господи. Нет. Я просто... э... очень много заданий. Я была... э... в таком зале с книжками...

– В библиотеке? – подсказывает Стеффи.

– А. Ну да. – Я рассматриваю бетон в том месте, где пролила кофе. – Столько книжек...

– Элисон, я же говорила тебе не пить с утра. Это неприлично.

Я резко вскидываю голову.

– Что? Я трезвая!

– Тогда почему ты несешь чушь? И я тебя почти не слышу.

Я убираю шарф ото рта.

– Со мной всё в порядке! Просто я с головой ушла в учебу. У меня впереди важный год, и я должна получить высший балл по всем предметам, а в библиотеке столько источников, и там очень тихо, и я записалась в группу подготовки, и нашла удобное кресло у окна, и заказала старое издание Шекспира...

Это сплошная ложь, но я не могу остановиться.

– Ты читала Шекспира, Стеффи? У меня...

Стеффи обрывает мою болтовню:

– Блин, ты ненормальная.

Она права.

– Понедельник – тяжелый день, – говорю я.

– Врешь. У тебя что-то случилось. Рассказывай.

– Ничего не случилось! – вскрикиваю я. – Мне пора! По-

том позвоню.

Господи. Обычно я всё рассказываю Стеффи, хотя в моей жизни происходит мало интересного. Но это? Нет. Я просто не в состоянии ей признаться. Лучший вариант – сделать вид, что ничего не было. Правда, надо мной висит угрожающая перспектива через несколько минут столкнуться с Эсбеном, но я могу просто притвориться, что никакого Эсбена нет. Всё очень просто.

Оказывается, незачем волноваться. Я захожу в аудиторию и съеживаюсь за столом, но Эсбен так и не появляется. Вместо облегчения я чувствую досаду: полтора дня предвкушала этот момент, а теперь придется ждать до среды. Я, разумеется, отнюдь не разочарована отсутствием Эсбена. Ни в коей мере.

Вечером во вторник Стеффи звонит мне по скайпу. Я сиделась допоздна, перепечатывая конспекты.

Как всегда, выглядит она безупречно. Даже свободный пучок с отдельными выбившимися прядями идеален. Облегающий розовый топ подчеркивает длинную шею и красивую грудь. Если бы я не обожала Стеффи настолько, меня обуяла бы зависть. Но, когда я вижу ее лицо на экране, мне становится весело. Я улыбаюсь подруге.

– Как жизнь, как дела?

Тут я замечаю, что она сидит, откинувшись на спинку стула и сложив руки на груди, а на губах у нее играет ухмылка.

– Стеффи?

Она поджимает губы и склоняет голову набок.

– «Как дела?» Ты серьезно? Лучше скажи, что там творится у тебя. Ты случайно не хочешь поделиться со мной ничем огромным и интересным?

Я застываю, и улыбка исчезает с моего лица. Ничего не могу сказать. Вот-вот случится беда. Я это точно знаю.

Вдруг Стеффи принимается махать руками и говорить с таким восторгом, что я едва успеваю следить за ее словами.

– Тебе правда не пришло в голову сказать мне, что ты стала звездой Интернета? Да во всех блогах висит тот ролик, где ты целуешься с единственным и непревзойденным Эсбеном Бейлором! О господи, он же такой красавчик! Ну? Как это было? Что это вообще было? Нет! Подожди! Он сейчас у тебя? Я помешала?

Она всплескивает руками и придвигается к камере, делая вид, что разглядывает мою комнату.

Ничего не понимаю.

– Я стала – кем? – спокойно переспрашиваю я.

– Звездой Интернета! Вирусное видео! В Фейсбуке, Твиттере и так далее!

Она взвизгивает и хохочет, а мне кажется, что я сейчас упаду в обморок.

– Нет. Нет-нет-нет, – говорю я, качая головой. – Ты вообще о чем?

– Подожди...

Стеффи принимается лихорадочно стучать по клавиату-

ре. Она присылает мне ссылку, и я неохотно щелкаю мышкой.

Блин. О нет.

Понятия не имею, что такое «Базз Фид», но даже я могу понять, что этот сайт огромен. Там куча ссылок на статьи о знаменитостях, про которых я ничего не знаю, уйма заголовков и восклицательных знаков. И на самом верху страницы я вижу видео под названием «180 секунд: незнакомые люди смотрят друг на друга. Сцены, которые растрогают вас до глубины души».

Я в ужасе закрываю лицо руками и кричу:

– НЕЕЕЕТ!

– Посмотри! Посмотри! – с восторгом настаивает Стеффи.

Я бросаю взгляд на окно чата и закатываю глаза: моя подруга, как полная дура, скачет по комнате.

– Ты правда не видела ролик? – спрашивает она с искренним недоверием. – Да на твоём месте я бы рассылала его направо и налево!

Не сомневаюсь. Стеффи красива, уверена в себе и больше всего на свете любит быть в центре внимания. Я качаю головой, нажимаю на кнопку и смотрю на экран сквозь растопыренные пальцы. Начинается музыка, на экране появляются слова – видимо, это какое-то вступление. Потом я вижу Эsbена, который сидит на знакомом мне стуле. Камера показывает какого-то пожилого мужчину напротив.

– Не может быть, – шепотом говорю я.

– Перемотай в конец! Там интересней! – пищит Стеффи.

– Держу пари, ничего интересного там не будет, – сердито

отвечаю я, но все-таки отнимаю руку от лица и перематываю в конец.

Эсбен улыбается и кивает пожилой женщине в деловом костюме, которая встает и уходит. Экран темнеет, и появляется надпись: «Иногда случается непредвиденное. Иногда кто-то заставляет тебя нарушить собственные правила». И тут на экране появляюсь я.

Вот я впервые вижу Эсбена...

– Нет! Боже мой!

Я нажимаю на «стоп».

– Не хочу это смотреть! Стеффи, что мне делать? Почему эта гадость появилась в Сети?

– Ты правда не знаешь, кто такой Эсбен Бейлор? – вопит Стеффи, и вид у нее подозрительно счастливый.

– Он... ну, просто какой-то парень, с которым мы вместе ходим на лекции по психологии... – Я замолкаю, и до меня доходит. – Подожди. Откуда ты знаешь, как его зовут?

– Ты серьезно?! Подруга, я знаю, что ты не любитель соц-сетей, но ты это серьезно?! Эсбен Бейлор!

Стеффи плюхается на стул, явно раздосадованная, но все-таки счастливая.

– Вот результат твоего полного неведения.

– Я правда не знаю, кто он такой, – нетерпеливо заявляю я.

Сейчас не время бранить меня за нелюбовь к сетевым сплетням.

– Ну, что это за тип? И откуда ты про него знаешь?

– Я думала, даже ты в курсе, кто такой Эсбен. Господи, он же столько всего постит. Твиттер, Фейсбук... он ведет живой блог. – Она машет рукой. – Эсбен везде! И его посты разлетаются повсюду. Красавчик Эсбен Бейлор постит видео, картинки, придумывает хэштеги, ну и всё такое. Он пишет биографии интересных людей, с которыми встречается, помогает тем, у кого трудности, привлекает внимание к разным проблемам. Очень трогательно и позитивно. А теперь ты попала в один из его роликов! Господи, как я завидую, просто с ума схожу. И в то же время я так за тебя рада! Это просто чудо!

«Так. Всё нормально», – пытаюсь я успокоить себя.

Может быть, ничего страшного не произошло. Просто дурацкое видео.

– У него куча подписчиков!

Сияющая улыбка Стеффи начинает меня раздражать.

– Целая армия!

Я подпираю голову рукой.

– Супер.

– Ты что, расстроилась? Ты же целовалась с Эсбеном Бейлором! Единственное, из-за чего надо переживать – так это что другие девушки тебя возненавидят.

– Ага. Супер, – повторяю я и закрываю окно браузера.

– Да! – настаивает Стеффи и наконец понижает голос: – Элисон, это правда очень здорово. В твоей жизни недостает изюминки, тебе так не кажется? Чего-то интересного.

– Нет, не кажется, – обиженно отвечаю я. – Слушай, мне пора. Позвоню завтра.

– Ты даже не посмотрела видео до конца. Вы там просто потря...

Я прерываю ее:

– Я не хочу ничего смотреть! И больше не хочу об этом говорить, понятно?

– Но все об этом говорят! Люди в восторге, и...

– Стеффи, пожалуйста! – умоляю я. – Скоро они замолчат. Это просто глупость. Так? Ничего серьезного. Прямо сейчас я в этом не нуждаюсь.

– Ох... ну ладно, – отвечает Стеффи с ощутимым разочарованием. – Просто... там ты выглядела... совсем по-другому. Ты была такая... такая...

Я вздыхаю.

– Какая?

– Открытая. Настоящая. Эмоциональная... – Стеффи снова начинает сиять. – Хрупкая и в то же время накрепко связанная с другими...

– Это всё не про меня.

Я не собираюсь подтверждать ее правоту.

– И на тот случай, если ты не заметила, Эсбен шикарен. Я серьезно. Умопомрачительно красив. И он прямо бросился

к тебе! В жизни не видела ничего романтичнее. Никто не видел. Эсбен покоряет сердца!

– Нет! – упрямо кричу я.

– Да, – спокойно говорит Стеффи. – И еще кое-что, Элисон. Эсбен идеален во всех отношениях. У него такая душа, какой не найдешь за сто лет.

– Очень мило с его стороны. Но мне всё равно.

Стеффи гневно смотрит на меня, и я отвожу глаза. А она говорит:

– Ты прямо светилась.

– Нет, не светилась!

– Подружка, да какая разница? Ты была такая красивая... и страстная.

– Я серьезно. Перестань.

Мне надоело обсуждать всякую ерунду, и я не хочу продолжать этот разговор – даже со Стеффи.

– Я люблю тебя, но мне правда пора. Созвонимся.

И, не дав ей возможности сказать что-то еще, я обрываю звонок.

Я выключаю компьютер, надеваю пижаму, гашу свет и ложусь. Плевать, что я не почистила зубы и что мне надо в туалет. Чтобы добраться до душа, надо выйти в коридор. Кто знает, с кем я там столкнусь? Вдруг Стеффи права, и какая-нибудь девушка заговорит со мной про...

Я кричу, уткнувшись в подушку.

Про этот поцелуй.

Я снова издаю вопль.

Почему я это допустила? Я так старалась наладить для себя тихую, предсказуемую жизнь, и понадобилось лишь три минуты, чтобы всё рухнуло. Три глупые, нелепые минуты. Я пошла бы на преступление, лишь бы повернуть время вспять.

Надо собраться с силами. Люди непостоянны, и скоро эта истерия закончится. Я просто не буду обращать внимания на Эсбена. Не буду лазать в Интернете или, упаси боже, читать комменты. Не буду смотреть ролик. Его вообще не существует. Никаких проблем.

Но я целый час ворочаюсь в постели, не в силах расслабиться и прогнать тревогу. Когда становится ясно, что я не засну, я замечаю, что телефон лежит в пределах досягаемости, в пятне лунного света. Я отвожу взгляд и нервно шевелю пальцами на ногах. «Нет, я не буду этого делать».

И все-таки делаю. Не могу справиться с собой. Я включаю телефон. Говорят, от любопытства кошка сдохла, но в голове у меня целый лев.

Чтобы найти ролик Эсбена, уходит две секунды. Я обнаруживаю его на другом сайте, не на том, который показала мне Стеффи. Кошмар. Сколько же народу его перепостило? Но хотя я уже сдалась и зашла на сайт, я по-прежнему не в силах посмотреть видео. Сама не знаю, чего боюсь. Я ведь была там.

Я просто не хочу снова это переживать.

Нет, хочу.

Я отматываю в конец и включаю на несколько секунд. Потом нажимаю на паузу и рассматриваю картинку на экране. И не могу оторваться.

Руки Эсбена касаются моего лица, поцелуй в самом разгаре, и наши взгляды явственно дают понять, что происходит нечто нетривиальное.

«Всё в прошлом, – напоминаю себе я. – Сейчас это уже ничего не значит».

И все-таки я держу телефон в руке и смотрю на картинку, засыпая. Я сплю без кошмаров.

Я позволяю себе эту роскошь. Только на одну ночь.

Глава 7

Дыши ровней

Никогда еще за два года учебы в Эндрюс-колледже я не пропускала занятия. Ни разу. Но лекцию по социальной психологии в среду я прогуливаю. Мне хочется пропустить и следующую, но это уже будет как-то слишком, даже с моей стороны. И от двух прогулов я, вероятно, буду нервничать сильнее, чем от необходимости собраться с духом и выйти из комнаты. И потом, я не завтракала и не обедала – и страшно проголодалась. Все утро в мою дверь безжалостно стучали, но я надела наушники и погромче включила белый шум. Не желаю выдумывать что-нибудь серьезное или значительное, ну или что там все эти люди хотят от меня услышать.

Когда наступает временное затишье, я понимаю, что до лекции осталось немного времени, и решаю зайти в греческое кафе, где обедала с Саймоном. Там, в окружении фалафеля, не случится ничего плохого. Во всяком случае, я на это рассчитываю.

Я успеваю дойти лишь до половины дорожки, которая ведет от нашего корпуса к воротам, когда какой-то парень в байкерской куртке и с сумкой на груди вскидывает растопыренную пятерню и восклицает:

– Ух ты... привет!

Именно этого я и боялась. Я слегка приподнимаю руку, от горя почти лишившись способности соображать. Парень шлепает меня по ладони и издает радостный возглас.

– Клевый ролик, – говорит он. – Типа... спасибо.

Он выпускает мою руку, от души хлопает меня по спине, неуклюже салютует и идет дальше.

Минус один. И бог весть еще сколько осталось. День, мягко говоря, не задался.

Прямо перед кафе на меня буквально набрасываются три девушки.

– Мы тебя видели! – восклицает одна.

– Ну, правда, он здорово целуется? Расскажи! Правда Эсбен лучше всех? – пристает другая, с развевающимися рыжими волосами, и делает глупое мечтательное лицо.

У третьей вид почти обиженный.

– Почему ты ушла? Господи, да я бы на твоём месте прямо там сорвала с него штаны!

– Ну? – заговорщицки спрашивает первая. – Так вы встречаетесь? Ты потом вернулась?

Это ужасно.

– Что? Нет! О боже. Нет, мы не встречаемся, – говорю я.

Выходит довольно грубо. «Будь вежливой. Будь вежливой!» – напоминаю я себе и откашливаюсь.

– Я рада, что вам понравилось видео. Но мне сейчас надо пойти поесть.

Я поворачиваюсь и рывком открываю дверь. Пожилой

грек, принимающий заказ, оживляется, когда видит меня:

– О-о, это вы!

Он машет кухонному персоналу:

– Посмотрите, это она!

Греки радостно шумят, а я заливаюсь горячим румянцем.

Я как можно быстрее расплачиваюсь и сажусь. Едва я успеваю проглотить кусок, как рядом плюхаются две девушки, с которыми мы вместе ходим на лекции по психологии. Они пищат от восторга:

– Просто супер. Я плакала!

– Как это было? Как вообще ощущение?

Я встаю, оставив нетронутую еду на столе, и спешно выхожу.

Остаток дня проходит в том же духе, но, слава богу, профессор читает сложную лекцию, в которую я погружаюсь с головой. Я не отрываюсь от конспекта, но чувствую, как остальные глазят на меня. После лекции я беру себе на ужин сэндвич в студенческом кафе и ухожу к себе.

В четверг всё так же плохо, и до меня доходит, что я, может быть, навсегда застряла в чудовищном водовороте чужого внимания. Придется бросить колледж и поселиться где-нибудь в отдаленной части света, без доступа к Сети. Буду жить в хижине и питаться ягодами. Или нет, совсем отрезать себя от Интернета не стоит. Можно заказывать всё, что понадобится. Полная изоляция – это достижимо. Ничего сложного.

К пятнице я уже просто злюсь. Кипя яростью и мужественно сдерживаясь, я иду на лекцию по социальной психологии. На мне буквально написано «не приближайтесь», но это не мешает людям поворачиваться в мою сторону. Слишком часто. Все взгляды обращаются к Эсбену, когда он заходит в аудиторию, и я вижу, как он осматривает ряды скамей. Заметив меня, он останавливается и заметно светлеет. На его лице появляется надежда. И он шагает ко мне. Эсбену нравится зрительный контакт и молчаливое общение? Отлично. В эту игру можно играть и вдвоем. Я устремляю на него взгляд, полный бешенства, и он замирает. Болтовня в огромной аудитории стихает, но прямо сейчас меня не волнует, что все видят, какие чувства я питаю к Эсбену. Он тревожится. Смущается. Потом ему как будто становится стыдно. Но мое лицо не меняется – а когда в аудиторию входит профессор, я быстро отвожу взгляд от Эсбена и больше не смотрю на него. Без единого слова я сказала этому парню и всем остальным то, что хотела.

Кончено. Точка.

Аура ненависти неплохо защищает меня от чужих комментариев. Я переживаю следующую лекцию, забираю очередную посылку от Саймона и возвращаюсь к себе, слава богу, не подвергнувшись новым домогательствам.

Мне должно было полегчать после того, как я утвердила себя и снизила накал страстей вокруг ролика. А вместо этого я чувствую себя отвратительно. «Я получила что хотела,

так?» Ни Эсбена, ни друзей-приятелей. Никто со мной не разговаривает. Положение вещей восстановлено.

Почему же мне так плохо?

Я слышу, как знакомый голос зовет:

– Элисон! Ну где ты ходишь? Я сижу здесь уже двадцать пять минут и сейчас описуюсь!

Я вскидываю голову и замираю. У меня тут же улучшается настроение. Ощущение пустоты отступает.

– Стеффи!

Пристроившись на верхней ступеньке крыльца, сидит моя лучшая подруга, которая в своих красных кожаных брюках и черной рубашке без рукавов напоминает рок-звезду. Рядом с ней маленький чемодан. Я не знаю, плакать мне или смеяться.

Стеффи встает и распахивает объятия:

– Иди к мамочке!

Я бегом преодолеваю расстояние между нами и горячо обнимаю ее.

– Что ты здесь делаешь? О господи...

– Что... я... делаю? Прямо сейчас... пытаюсь вздохнуть.

Я выпускаю ее и, смеясь, отступаю на шаг.

– Извини.

Я недоверчиво качаю головой. Стеффи отбрасывает волосы с лица и кладет руки мне на плечи.

– Я хочу в туалет. Seriously.

– Сейчас, сейчас! – Я отпираю дверь и показываю Стеф-

фи, где туалет, а затем веду к себе в комнату, всё это время засыпая подругу вопросами:

– Слушай, что ты тут делаешь? Я просто поверить не могу!

Меня переполняет подлинное счастье. Я машинально кладу посылку от Саймона поверх остальных в пустой комнате. Вернувшись к Стеффи, я вижу, что у нее какое-то странное выражение лица.

– Что случилось? – спрашиваю я.

Она указывает мне за спину:

– Ты там что, строишь башню в реальном масштабе? Что это за коробки?

– А...

Она права. Башня из коробок и правда выглядит странно.

– Это от Саймона.

– Я вижу.

Стеффи странно улыбается.

– Мы потом об этом поговорим. Я летела ночным рейсом из Бостона, а потом брала напрокат машину и сидела полдня за рулем не из-за того, что ты решила делать запасы на зиму.

Мы садимся на кушетку.

– Зачем же ты приехала? И почему не сказала мне?

Стеффи жмет плечами:

– Хотела сделать сюрприз.

Я по-прежнему в шоке от того, что она здесь, передо мной.

– Но... но... откуда у тебя деньги на самолет и на машину?

– Ты знаешь, сколько денег выдает мне университет на

книжки и прочее? Слишком много. А я покупаю далеко не всё по списку. Сама знаешь, как бывает. Большинство книг нужны только на один раз. Ну вот я и потратила сэкономленные деньги на билет.

– И я очень рада, – говорю я и снова ее обнимаю. – Тебя нужно накормить. Кожа да кости!

– И сиськи! Не забывай! – Стеффи прижимается ко мне грудью, и я смеюсь.

– Это невозможно забыть, – уверяю я, откидываясь на спинку. – И ты обязательно расскажешь в подробностях, как твои дела! Ты голодная? Что хочешь на ужин?

– Текилу, – заявляет Стеффи.

– Может быть, еду тоже?

– Может быть. Я подумаю.

Глава 8

Текила и всё остальное

Есть мы идем в итальянский ресторан, где я еще не бывала. Стеффи жадно поглощает порцию фетуччине альфредо, а в промежутках между глотками ругает меня за то, что я никогда раньше сюда не ходила.

– Серьезно?! Ты теперь понимаешь, чего была лишена?

Она подцепляет одну из моих фрикаделек и запихивает в рот.

После короткого захода в магазин (где три разных человека вручают Стеффи флаеры на студенческие вечеринки) мы возвращаемся с алкоголем ко мне, и Стеффи разливает текилу. Я ничего не пила с лета, и спиртное обжигает горло. Я улыбаюсь.

– Господи, как я скучала по текиле.

– А она по тебе.

Стеффи надкусывает ломтик лайма и морщится.

– Знаешь, кто еще по тебе скучал?

– Кто?

Она лезет в стоящий рядом бумажный пакет и достает бутылку.

– Джин!

– Йо-хо-хо!

Другую руку Стеффи тоже запускает в пакет и извлекает третью бутылку.

– И тоник!

– Ух ты!

– Скажи спасибо, что у меня есть поддельное удостоверение.

Я разливаю спиртное и достаю из холодильника несколько кубиков льда, пока Стеффи настраивает на моем ноутбуке плей-лист. Из спальни раздается музыка.

– Блин. Сегодня пятница? – кричит Стеффи.

– Да, а что?

Я захожу в комнату и ставлю на столик свой стакан с текилой.

– Что ты делаешь на «Амазоне»? – спрашиваю я, глядя на экран. – И зачем покупаешь наклейки с мультяшными овцами, скотч и машинку для выдергивания волос из носа?

Стеффи делает большой глоток и поворачивается вместе со стулом ко мне.

– Помнишь квартиру, где я жила прошлым летом? Когда я переехала, то некоторые мои заказы случайно ушли на старую квартиру, потому что я забыла обновить свой адрес на веб-сайтах. В том числе, кстати говоря, в интернет-магазине, где купила очень стильное и недешевое платье. Две стервозы, которые въехали туда после меня, так ничего и не вернули. – Она отхлебывает еще. – Они сказали, что им ничего не присылали. Вранье. Поэтому каждый месяц я посылаю на

старый адрес что-нибудь якобы заказанное мной. Ты только представь. Они там радуются и думают, что смогут присвоить еще какие-нибудь мои покупки. Они надеются, что это будет нечто клевое, ведь я всегда покупаю клевые вещи, так? А потом открывают посылку и обнаруживают полосатые носки и наклейку с изображением кучки дерьма. Я их прочту на всю жизнь.

Боже, как я скучала по этому человеку.

Я сажусь на постель.

– Гениально. Я хочу помочь!

– Давай. Выбери что-нибудь. Вот на что я в том числе трачу оставшиеся от стипендии деньги... не считая билетов на самолет.

Стеффи закладывает руки за голову и потягивается.

– Да, я гений.

Полазав по сайту, я добавляю наклейку с надписью «Агентов просим не беспокоить» и коробку какого-то поганого печенья из киноа. Когда на телефон Стеффи приходит извещение, что заказ оформлен, мы весело чокаемся и дружно рыгаем.

Мы – прямо как настоящие сестры.

Я легковес по части выпивки: к половине десятого я уже совсем пьяная. Прекрасное ощущение. Стеффи исполняет какой-то безумный танец, который преимущественно состоит из вращений бедрами и боевых стоек. Выглядит нелепо, но весело. Сидя на кушетке, я сосу кубик льда и наблюдаю,

как моя подруга движется по гостиной и пляшет, не попадая в такт. Я по-прежнему не могу поверить, что она здесь, и не сходящая с моего лица улыбка кажется приятным разнообразием после событий минувшей недели.

Именно эта мысль заставляет меня резко выпрямиться.

– Эй! Подожди! – восклицаю я – невнятно, оттого что во рту у меня лед. – Стой!

– Что? – спрашивает Стеффи, прервав танец. – Ты не в силах больше выносить мою сексуальность?

Она качает бедрами.

– Ты! – я указываю на нее пальцем. – Ты прилетела сюда не потому, что у тебя завалились лишние деньги!

Она мрачнеет.

– В смысле? Я хотела провести выходные с лучшей подругой. Вот и всё.

Стеффи тянется к бутылке с джином.

– Ты здесь с гнусной целью, – с ударением продолжаю я, тряся пальцем.

Она смеется:

– С гнусной целью? Серьезно?

– Стефани Элинор Трой! Ты подлая хитрюга! А ну признавайся немедленно!

Но она не в силах говорить. Стеффи складывается пополам, ржет и пытается отдышаться. Я хмурюсь.

– Что тут смешного?

Наконец она отвечает:

– Мое среднее имя – не Элинор!

И вновь начинает истерически хохотать, а потом садится рядом со мной.

– Разве нет? – спрашиваю я, с трудом выговаривая слова. – А почему мне так казалось? Кто такая Элинор?

Бедная Стеффи с трудом переводит дух и отвечает далеко не сразу:

– Помнишь ту стремную семью, в которой я жила? В Уотертауне? Элинор звали их собаку.

– Ой. – Я хватаю ее бокал и делаю глоток. – Кем надо быть, чтобы назвать собаку Элинор?

– Проктологом из Уотертауна, которому на пять месяцев понадобилась поддельная дочь.

– У тебя вообще есть среднее имя?

Стеффи забирает бокал и жмет плечами:

– Понятия не имею. Я даже не знаю, откуда у меня фамилия. Честно говоря, это еще хуже, чем собака по кличке Элинор. Меня ведь подбросили в такую штуку, типа ящика, где можно оставить ребенка без всяких лишних вопросов. И я сильно сомневаюсь, что мамаша приклеила мне на лоб записку с полным именем. Эй! Кто дал тебе имя? Тебя ведь оставили в родильном доме.

Она права. Раньше я никогда об этом не задумывалась.

– Да! Кто дал нам имена? У нас должно быть право выбирать самим!

– Но ты взяла фамилию Саймона, поэтому ты Элисон Ден-

нис, и это тебе идет.

Глаза у нее загораются.

– Слушай, есть идея. Давай сыграем в дженгу из посылок.

Я хихикаю.

– Перестань.

– Да ладно. Это весело. Я буду вытаскивать коробки из-под низа и надеяться, что башня не рухнет.

– Нет, я не хочу играть в кубики!

– Потом ты вытащишь коробку, потом я... слушай, а почему ты ни одну не открыла? Саймон, наверное, прислал тебе что-нибудь хорошее. Рисовую лапшу, печенье и средство от вшей.

– У меня нет вшей! – взвизгиваю я.

Стеффи кивает. С очень серьезным видом.

– Пока нет. Но в кампусах, к сожалению, это реальная проблема.

Может быть, она права. Может быть, Саймон прислал мне по-настоящему необходимые вещи, в которых я нуждалась, сама не сознавая того. Господи, Стеффи никто не присылает гостинцев, а уж она-то этого заслуживает. Может быть, там действительно печенье... Нужно открыть коробки. Хотя бы одну.

Слегка пошатываясь, я встаю и наливаю себе джина с то-ником. В середине процесса я разворачиваюсь, и джин выплескивается на ковер.

– Э-э-эй! Минуту. Ты уклоняешься от основной темы.

– От какой?

– От того, почему ты здесь.

Кое-как смешав джин с тоником, я сажусь рядом со Стеффи.

– Давай поговорим.

Она устремляет на меня непонимающий взгляд и молчит.

Я слегка толкаю ее в плечо.

– У тебя потрясающие новости? Ну? Тебя взяли на стажировку в журнал, о котором ты говорила летом? О, о! Или тут замешан парень? Ты с кем-то встречаешься, да? Расскажи, расскажи!

Стеффи улыбается и хлопает в ладоши.

– Ну... да. Тут замешан парень.

Я вот-вот взорвусь. Несмотря на свои многочисленные веселые романы, Стеффи давно ни с кем не встречалась по-настоящему.

– Расскажи мне всё!

Продолжая улыбаться, она смотрит на меня. Слишком долго. И лишь когда я в отчаянии вскидываю руки, говорит:

– Этого парня зовут Эсбен Бейлор, ты целовалась с ним в засос, стала звездой Интернета и ничего не желаешь рассказывать. Хотя случилось нечто необыкновенное! Потрясающее! Совершенно не в твоём духе. Полный улет. Ура!

Я раздраженно скрещиваю руки на груди.

– Не надо «уракать»!

– Нет такого слова.

– Неважно. Я думала, ты расскажешь мне что-нибудь хорошее о себе, и мы это отметим. А Эсбен... вообще тут ни к чему. Ты правда прилетела, чтобы поболтать об Эсбене и том, какую глупость я сделала?

– Да. – Стеффи достает телефон, несколько раз касается экрана и поворачивает его ко мне. – Посмотри. Просто посмотри.

Я вижу на экране себя и Эсбена.

– Ничего особенного.

Но мой голос звучит слабо. Взяв мобильник, я изучаю картинку.

– А вот и нет, – возражает Стеффи.

Я встряхиваюсь.

– На этой неделе он превратил мою жизнь в ад! Ты знаешь, сколько человек в кампусе успели ко мне прицепиться? Они желали сочных подробностей, лезли, расспрашивали. Бр-р. Ужас. Я едва положила этому конец.

Стеффи фыркает:

– Ну, Интернет так просто не заткнешь.

– В смысле?

– Твиты, комменты на всех сайтах, где выложен ролик... людям он по-прежнему нравится.

– Комменты?!

– Ну да. Тысячи... – Она, прищурившись, смотрит на меня. – Надо что-то сделать с твоим макияжем. И с волосами.

– Что? Кому какое дело до моего макияжа и волос? Тыся-

чи комментов? Откуда?

Джин вовсе не помогает мне расслабиться. Я едва замечаю, как Стеффи распускает мне волосы и лезет в сумочку за косметичкой.

Она заставляет меня закрыть глаза и принимается наносить тени на веки.

– Милая, у Эсбена четыреста семьдесят пять тысяч подписчиков. И это только в Твиттере. Есть еще Фейсбук, где их больше трехсот тысяч. И блог.

Я открываю глаза, не обращая внимания на ворчание Стеффи по поводу того, что я помешала ей меня красить.

– Сотни тысяч. Стеффи...

– Если бы ты не игнорировала соцсети, ты бы это знала. Эсбен Бейлор – культовая фигура! И он здесь, в вашем кампусе! Я готова плакать от зависти.

Да, мне тоже хочется плакать.

Стеффи снова берет телефон и тычет в экран:

– Вот. Читай. Комменты под исходным постом в Твиттере.

Изнемогая, я начинаю долго-долго проматывать. Тем временем Стеффи обводит мои глаза темно-коричневым карандашом и наносит немного румян на скулы, а затем достает большие щипцы для завивки и начинает возиться с волосами.

Я читаю.

Потрясающе. Трогательно. Искренне. Продолжай в том же духе, Эсбен. Ты крут! Ролик просто супер.

Спасибо, что выложил. Я показала маме, и мы обе плакали!

что за девушка? ничо так. молодец Эсбен. неплохое начало, чувак

Плз приезжай в Чикаго ты нам нужен! Я сделаю все что ты захочешь! Поцелуй меня! Эта девушка есть в Твиттере? Я на нее подпишусь.

ПОЦЕЛУЙ века. а потом что? она вернулась? вы поговорили??

Презрительно усмехаясь, я продолжаю проматывать и читать. В целом все комментаторы поддерживают и хвалят Эсбена. Есть, конечно, и неприятные реплики. «Она тебя недостойна. Хорошо, что сбежала». «Ненавижу твои ролики, ты придурок». «Это всё розовые сопли, займись делом».

Меня мутит.

Стеффи подносит щипцы слишком близко к моей голове, и я вскрикиваю, а потом залпом допиваю остатки джина.

– Знаешь что? – спрашиваю я – слишком громко. – Он ненормальный! Я не просила внимания. Если ему хочется, чтобы мир вращался вокруг него, это его право, но как он посмел втягивать в свои игры меня и других ни в чем не повинных людей? Он ужасный, ужасный человек!

– О да. Ужасный. – Стеффи делает паузу. – Ты должна сказать ему об этом. Правда?

Я бросаю телефон на кушетку.

– Да. Должна, черт возьми!

– И прямо сейчас! – подхватывает Стеффи.

Видимо, она передумала и теперь разделяет мое негодование.

– Давай выясним, где он живет. В Сети есть карта кампуса?

– Не знаю. Наверно. Никогда раньше никого не искала.

Мы заходим на студенческий портал Эндрюс-колледжа, и за считанные секунды Стеффи выясняет, что Эсбен живет в корпусе Уоллес-холл, неподалеку от меня.

– Ура! – восклицает она и увеличивает на экране его фотографию. – Господи, ну и глаза...

– Эй, убери!

– Я имею в виду – он, конечно, гад, но красивый...

– И от этого я его еще больше ненавижу.

– Ну тогда иди и скажи ему прямо сейчас, какой он подлец.

Я икаю.

– Прямо сейчас?

– Да. Пользуйся моментом.

Стеффи вскакивает, притягивает меня к себе и проводит рукой по моим свежезавитым волосам.

– Ты посмотришь этот ролик вместе с ним и укажешь на всё, что тебе не нравится!

– Ты пойдешь со мной? В качестве поддержки. Ну, ты можешь кричать: «Давай, Элисон, жги!», когда я скажу что-нибудь остроумное.

Стеффи достает из кармана узких брюк красную помаду

и освежает губы.

– Мне надо заскочить на вечеринку к вашим ребятам. Тут чертовски милые парни. Напиши, когда пойдешь обратно.

– Я всыплю Эсбену за непристойное поведение! – с гордостью восклицаю я. – Полиция нравов рулит!

– Да, да, мой пьяный полицейский. А теперь дай я немного подкрашу этот очаровательный ротик...

Глава 9

Макароны и видео

Мы со Стеффи расходимся перед корпусом, где живет Эсбен, и я уверенно, хотя и слегка нетвердо, поднимаюсь по лестнице. Оказавшись перед нужной дверью, я без малейших колебаний стучу по ней ладонью. Сегодня я намерена расставить все точки.

Дверь открывается, и я тут же пугаюсь, не в силах игнорировать тот факт, что мы вновь оказались в двух шагах друг от друга. А еще я невольно замечаю, что плечи у Эсбена широкие, но не слишком – и я хорошо помню, каково прижиматься к его груди и чувствовать его объятия.

Я качаю головой и смотрю на парня, который стоит передо мной, явно испуганный.

– Так, пижон, нам надо поговорить!

Я протискиваюсь мимо и оказываюсь в комнате, где едва хватает места для кровати, стола и шкафа. Кровать не убрана, поверх клетчатых простыней лежит скомканное синее одеяло, повсюду разбросана одежда, а на столе такой хаос, что я чувствую прилив паники.

– Ну ты и неряха, – говорю я, не успев спохватиться.

Эсбен медлит, прежде чем ответить:

– Ну... да. Извини. Я не знал, что ты придешь.

Проходит еще секунда, и он говорит:

– Элисон.

Я впервые слышу, как он произносит мое имя, и ощущаю легкий трепет.

– О господи. Извини. Всё нормально. Я сказала, не подумав.

Я обвожу комнату взглядом.

– Ты, конечно, не помешан на чистоте. Но, честное слово, в этом нет ничего плохого. Просто такой стиль. Он помогает расслабиться.

– Слушай, давай я...

Эсбен начинает лихорадочно расправлять простыни и одеяло, чтобы придать комнате видимость порядка.

– Хочешь сесть?

Не глядя на меня, он указывает на кровать.

– Да.

Я сажусь, а он устраивается на стуле.

Я машинально начинаю разглаживать одеяло рукой, наблюдая, как вздувается ткань под моей ладонью. Наконец я обвожу взглядом комнату. Мне едва удастся разглядеть маленькую микроволновку, стоящую на пакетах из-под молока, потому что сверху она завалена одеждой, тетрадями и дисками. Потом я замечаю на полке видеокамеру и отворачиваюсь.

Молчание длится дольше, чем считается социально приемлемым, однако его не назовешь натянутым. Эсбен просто

ждет. Я вдруг понимаю, что точно так же меня обычно ждет Саймон.

– Я хочу задать несколько вопросов, – выпаливаю я.

Джин сделал меня исключительно прямолинейной. Я не в силах взглянуть на Эсбена. Вместо этого я разглядываю собственные руки.

– Давай.

– Ты собираешь волосы в пучок?

Он смеется:

– Нет. Они недостаточно длинные. И я не люблю пучки.

– Очень хорошо.

– Следующий вопрос.

– Почему у тебя нет какого-нибудь постера с котенком, висящим на ветке, и надписью типа «Не зависай!». Ну или плаката с Ганди и какой-нибудь жутко остроумной цитатой. Почему вместо этого ты повесил у себя черно-белую фотографию Ленни Кравица?

– У меня аллергия на кошек, а Ганди далеко не такой фотогеничный, как Ленни Кравиц.

– Смешно, – уныло отзываюсь я и наконец поднимаю голову. – Зачем ты это сделал? Зачем так поступил со мной?

– Не понимаю, – негромко произносит он.

– Зачем выложил ролик в Интернете? Зачем вообще втянул меня во всё это? Что я тебе сделала? – спрашиваю я, повышая голос. – Я жила нормальной жизнью, но теперь из-за тебя все пристают ко мне, задают вопросы, и-и... – я пьяно

помахиваю рукой, – пишу в Твиттере, и комментят, и вообще. Я об этом не просила.

– Элисон, мне очень жаль, – говорит Эсбен вежливо, но с некоторым удивлением в голосе. – Я... ты же подписала отказ от претензий. Ты... я думал, ты знаешь, кто я такой.

– Ой, только не надо считать себя пупом земли!

Он негромко смеется:

– Я не это имел в виду. Но... я провожу много социальных экспериментов, а наш кампус относительно небольшой...

– Значит, ты должен был знать, что я не люблю, когда ко мне лезут! Что я не хочу, чтобы люди видели, как я... я... – Я теряюсь в поисках нужных слов. – Этого никто не должен был видеть. Потому что этого не должно было случиться! Ты что-то такое сделал, – обвинительным тоном продолжаю я. – Не знаю что, но сделал. Зачем? Тебе был кто-то нужен для эффектного финала, и ты велел своей сестре притащить самого замкнутого человека, чтобы проверить, сумеешь ли ты... не знаю. Сломить меня?

Эсбену, кажется, не по себе, и я чувствую укол совести. Он качает головой:

– Нет, нет. Боже мой. Нет.

Эсбен отводит взгляд, словно пытаюсь подобрать правильные слова.

– Что случилось в тот день? Объясни, – настаиваю я. – Потому что я не понимаю. А ты должен понимать. Почему мы... – Я не в силах это выговорить. – Ну же. Объясните мне

всё, мистер Эсбен Бейлор. Может, ты и думаешь, что тебя все знают, но я не знаю о тебе ничего, кроме того, что ты полный придурок.

Я икаю, но он из вежливости молчит.

– Хватит молчать!

Я злюсь и уже откровенно грублю, но невозможно остановить слова, которые сыплются у меня с языка.

– Ладно. – Он делает глубокий вдох и медленно выдыхает. – Я никогда не знаю заранее, кто согласится поучаствовать в моем проекте. Честно. Пусть даже в тот раз собралась целая толпа, нам было трудно найти добровольцев. Наверно, люди нервничают, когда их просят на некоторое время сосредоточиться. И потом, интереснее обычно бывает с теми, кто не успевает задуматься, а что он, собственно, делает. Керри сказала, что просто выхватила тебя из толпы. Мы ничего не планировали. Правда.

Эсбен смотрит на пол и беспокойно растирает себе колени.

– И все-таки это произошло, – говорю я – как ни странно, спокойно. – Это произошло, хотя я ничего такого не хотела.

– Если бы я знал, что ты не хочешь... Но я же вообще ничего о тебе не знал, кроме того, что однажды ты пролила кофе. – Эсбен слегка улыбается. – Я решил провести эксперимент, потому что подумал: здорово будет посмотреть, как общаются два незнакомых человека, как они нащупывают почву и, может быть, даже находят нечто общее. И всё

это без слов. Как в процессе уходят предубеждения, как за короткое время возникает нечто вроде связи. Я понятия не имел, какой получится результат. Да и откуда?

Несомненно, он говорит искренне.

– Я включил в ролик наш эпизод, потому что между нами произошло нечто необыкновенное. Я был к этому совершенно не готов. Хочешь, чтобы я объяснил? Не знаю, как. Я просто... – Эсбену явно становится неловко. – Что-то в тебе привлекло меня. Сомневаюсь, что когда-нибудь так сосредотачивался на одном человеке. Как будто ты проникла в мое сознание. Слушала, задавала вопросы, успокаивала, протягивала руку...

Эсбен недоверчиво смеется. О, я его прекрасно понимаю. Он проводит рукой по волосам и ерзает. Я отодвигаюсь к стене, подложив по спине подушку, и признаю:

– Не знаю, правильно я тебя поняла или нет, – признаю я. – Но ты продолжай.

Я хочу, чтобы он говорил, потому что спиртное достаточно меня расслабило, и мне, в общем, приятно наблюдать, как он двигает руками, когда говорит, и слышать хриловатый, но не слишком низкий голос.

– Но хотя нет никакого рационального объяснения тому, что произошло между нами, это не умаляет ценности тех трех минут. Как часто мы бываем искренне растроганы? – Эсбен смущенно смотрит на меня. – У меня в тот день были и другие удивительные эпизоды. Например, с женщиной

ростом под два метра, в бандане и байкерской куртке. Вид у него был злобный. Честно говоря, я немного испугался, когда он сел напротив. У меня, как у любого нормального человека, куча предубеждений. Но я прочистил голову и попытался не думать о том, что он вот-вот даст мне в морду. А потом случилось самое приятное. Не знаю почему, но в какой-то момент он начал смеяться. И я тоже. Мы оба ржали, и нам было хорошо.

– И он, очевидно, тебя не убил.

– Да.

Я рассматриваю его запястье, украшенное кожаными и веревочными браслетами, затем вновь перевожу взгляд на красивое лицо.

– А потом появилась я.

Он кивает и подается вперед, положив руки на колени.

– Ты перевернул стул, – напоминаю я.

Эсбен улыбается, и его проклятые янтарные глаза перестают меня бесить.

– Да. Я себя не контролировал.

– И опрокинул стол.

– Тут я тоже ничего не мог поделать.

– Ты меня поцеловал.

– Разве я мог удержаться?

Этот пристальный взгляд. Опять.

– И, кажется, я был не одинок. Ты ведь тоже меня поцеловала.

Мысленно я считаю. Шесть, семь, восемь, девять, десять. Кивок.

Он прав, но сказать это вслух я не могу.

– Правда, здорово? – продолжает Эсбен. – Лично мне понравилось. Хотя, видимо, тебе – нет. Но я подумал, что, может быть, в ту минуту тебя переполнили эмоции, поэтому ты ушла. И поэтому я не пытался потом тебя разыскать.

Я бросаю взгляд на камеру.

– Ты не пришел в понедельник на психологию. Ты что, прятался?

– Просто был нездоров.

– Супер. И что, я теперь тоже заболею мононуклеозом? Или птичьим гриппом?

Он смеется:

– Нет. Просто осенняя аллергия.

– А... – Я сплетаю и расплетаю пальцы и вновь смотрю на него. – Жаль, что ты болел.

Я изучаю лицо Эсбена, пока до меня не доходит, что это тянется уже долго и выглядит странно.

– Надеюсь, сейчас тебе лучше?

– Да. – Эсбен держится спокойно и уверенно. – А тебя не было на лекции в среду. И ты явно была не рада видеть меня сегодня утром.

Он виновато вздыхает, и это очень мило.

– Элисон, мне очень жаль, что ты расстроилась. Я могу прямо сейчас убрать ролик.

Я выпрямляюсь и обвожу глазами комнату. Что-то привлекает мое внимание. Я слезаю с кровати и беру маленькую пачку макарон с сыром – полуфабрикат для микроволновки. Прищурившись, читаю инструкцию:

– «Готовить три минуты». Какая ирония.

Я открываю пачку и вытаскиваю пакетик с тягучим сырным соусом.

– У тебя есть вода?

Эсбен поднимает бровь, и я застываю на месте.

– О боже... извини. Что я творю?

Я смотрю на открытую пачку.

– Видимо, я зверски проголодалась. Я увидела макароны и просто схватила их. Прости, я страшно невежливая... сейчас уберу обратно.

Я тщетно пытаюсь запечатать упаковку.

Эсбен смеется:

– Всё нормально.

Он достает из холодильника бутылку и добавляет воды в миску.

Я забираюсь на кровать, сгорая от стыда. Опять. У меня звонит телефон. Стеффи прислала эсэмэску с вечеринки. На фотке она с каким-то красивым парнем в клетчатой рубашке. Подпись гласит: «Я подцепила симпатяшку!»

Эсбен протягивает мне бутылку:

– Ты, наверное, хочешь пить.

О боже.

– Прости. Я знаю, что немного пьяная. Очень пьяная. Неважно.

Я беру бутылку и пью, а потом, вытирая губы, вижу, что он смотрит на меня.

– Тебе идет эта прическа. Кудряшки.

– Это сделала Стеффи.

– Твоя соседка?

– Нет, моя подруга. Она учится в Калифорнии. Она прилетела и набросилась на меня за то, что я не желала о тебе рассказывать.

– Понятно. – Эсбен на мгновение закрывает глаза. – Повторюсь, мне очень жаль, что всё это тебя расстроило. Некоторые мои проекты требуют многого от участников. Нужно быть открытым... щедрым. Иногда люди не вполне готовы выйти за стены, или их ошеломляет то, что происходит, но в хорошем смысле... – Помолчав, он продолжает: – Даже если поначалу они сопротивляются, порой происходит перемена, которая стоит того.

– Как это было со мной?

– С нами, – поправляет Эсбен.

Он встает и меряет шагами маленькую комнату.

– Зачем ты подписала отказ от претензий?

От конденсата на бутылке ладони становятся мокрыми, но это приятная прохлада.

– Я не обратила внимания. У меня... было плохое настроение. Я сама не понимала, что делала.

Я вновь икаю.

– Стены... ты говорил про стены. Это мой случай.

– И тебе не нравится, что ты вышла за них.

– Да.

Эсбен опять садится.

– Почему?

– Ты не поймешь. Тебе нравятся люди. Это же очевидно.

Ты любопытен. Хочешь исследовать их, изучить недра человеческой природы и всё такое. Да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.